

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 5 fr.
et Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und 1 Mk. (6 fr.)
sonstigen Ländern . . . . .

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№№ 23-24 (355-56)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

28 Декабря 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

К итало-абиссинской войне (Рабочий Интернационал о плане Лавалья-Хора).

Ф. Дан. Парижский план.

П. Гарви. Явление Сталина народу.

А. Югов. Укрепление рубля и ликвидация Торгсина.

С. Шварц. Кризис профдвижения.

Литература и жизнь: В. Александрова. Консерватизм и левая фраза.

К международной дискуссии о войне: Р. Абрамович. Международный социализм и опасность войны. — Г. Аронсон. Война и социалисты России. — Тезисы Бауэра-Дана и др. — Тезисы Заграничной Делегации РСДРП.

Заграницей: Во Франции. — Конференция рабочих организаций северных стран. — Работа Польского Бунда. — В Эстонии. — В латвийских тюрьмах.

По России: Усиление террора. — Социалисты и оппозиционеры на каторжных работах. — «Нынешнее крепостное право». — Советский «патриотизм». — Среди рабочих. — Гауптвахты на заводах. — Борьба за нормы. — Рабочие и компартия. — Красная Армия. — Изъяны техники. — «Хрен редьки не слаще». — СССР танцует... — Стахановщина. — Укрепление рубля. — Зигзаг влево? — «Немножко в зубы». — Пять маршалов. — Иерархия в бесклассовом обществе.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

К ИТАЛО-АБИССИНСКОЙ ВОЙНЕ

РАБОЧИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ О ПЛАНЕ ЛАВАЛЯ-ХОРА.

17 декабря состоялось в Париже, под председательством Л. Де-Брукэра и Л. Жуо, заседание анти-военного комитета Международной Федерации Профессиональных Союзов и Рабочего Социалистического Интернационала. Была принята следующая резолюция:

Лига Наций находится на историческом перекрестке. Ей предстоит решить, станет ли пакт реальностью и будет ли подвергаться всякая попытка завоевательной войны осуждению и пресечению, или же человечество вернется к хищническим и грабительским войнам.

Предложение Лавалья-Хора стоит на почве старых принци-

пов завоевательной империалистической политики. Оно дает нападающему, признанному таковым всем светом, премию в виде территориальных приобретений и сфер экономического влияния — в награду за циничное нарушение им пакта.

Анти-военный комитет МФПС и РСИ, собравшийся в Париже 17 декабря, заклинает Лигу Наций и все входящие в нее государства стоять в этот час, решающий для судеб пакта и всемирного мира, непоколебимо за применение действительных санкций против империалистического похода, начатого итальянским фашизмом. МФПС и РСИ уже неоднократно свидетельствовали о несокрушимой воле международного рабочего класса — поддерживать всеми доступными ему средствами санкции против нарушителей мира.

ПАРИЖСКИЙ ПЛАН

Парижский план «умиротворения» Муссолини ценою фактической отдачи ему доброй трети Абиссинии сейчас с перспективой подчинения остальных двух третей в недалеком будущем отцвел, не успевши расцвести. Этот план был придуман французским министром-президентом и министром иностранных дел Лавалем, которому удалось получить подпись и британского министра иностранных дел Хора. Хор заплатил за эту подпись отставкой, объявив в своей «посмертной» речи одобренный им план «мертвым». Премьер-министр Великобритании Болдуин добавил, что план «похоронен навсегда». Один из виднейших «франкофилов», Остин Чемберлен пошел еще дальше, сказав, что пресловутый план

никогда не должен был бы и родиться. «Комитет пяти» при Л. Н., имеющий специальную задачу изыскания путей к ликвидации итало-абиссинской войны, отказался принять план к рассмотрению. Совет Л. Н., в котором Иден, ставший ныне наследником Хора, вполне недвусмысленно рекомендовал план к отклонению, передал вопрос в «комитет 13-ти», т. е. в тот же Совет, только без представителя Италии. Этот комитет, не удостоив знаменитый план ни одним словом, фактически изъял все дело «умиротворения» из рук Франции и Англии, взяв его в свои собственные руки с тем, чтобы в дальнейшем вести его «в духе пакта Лиги Наций» (поправка, внесенная в первоначальный текст резолюции по пред-

ложению советского делегата Потемкина!). Наконец, «комитет восемнадцати», комитет санкций, немедленно собравшийся, констатировал, что имеет дело с той самой ситуацией, которая была... до плана, и отсрочил свои заседания до второй половины января, т. е. до тех пор, пока сессия американского конгресса не выяснит перспективы участия Соединенных Штатов в усилении санкций путем запрещения ввоза в Италию нефти, стали и меди. История международной дипломатии вряд ли знает пример более быстрого и бесславного провала дипломатической акции, предпринятой двумя крупнейшими мировыми державами!

План провалился. Но это не значит, что весь эпизод, свыше недели державший весь мир в напряжении и сопровождавшийся столь драматическими перипетиями, прошел бесследно. Каковы причины возникновения плана? Чем вызван его провал? Каковы будут его ближайшие и отдаленные последствия с точки зрения общих международных перспектив? Какие выводы должен сделать из всего эпизода международный пролетариат для своей международно-политической ориентации? Эти вопросы имеют самый актуальный, самый жизненный авантюре.

Основная линия французской дипломатии по отношению к завоевательному походу итальянского фашизма на Абиссинию вполне ясна: дать Муссолини удовлетворение за счет Абиссинии, чтобы возможно скорее высвободить его силы в качестве добавочной угрозы против агрессии германского национал-социализма и иметь в нем союзника на случай, если эта агрессия станет действительностью. Парижский план был спешно лансирован как раз в тот момент, когда предстоящее распространение санкций на нефть, с одной стороны, частичные поражения войск итальянского фашизма в Абиссинии, с другой, поставили Муссолини в особо тяжелое положение, сделали вполне реальной перспективу, если не немедленной капитуляции и не полного военного разгрома его, то, во всяком случае, длительного, на годы, увязания его в затейной им кровавой авантюре.

Однако, как ни очевидна эта связь политики Лавала с перспективами возможной франко-германской войны, одними этими перспективами политику эту трудно объяснить. Конечно, Италия представляет собою существенный фактор в планах французской стратегии на случай этой войны. Но, ведь, бесконечно более существенным фактором является Англия. А между тем политика Лавала месяц за месяцем, день за днем все углубляла трещину между Францией и Англией, и если этой политике удалось на минуту изнасиловать (таков был ясный смысл объяснений самого Хора!) английского министра иностранных дел и заставить его подписать парижский план, то комментарию английской прессы всех направлений говорят одинаково: план этот означает, что Англии Франция предпочла Италию! А что значит для Франции война с Гитлером без помощи Англии, — это вряд ли нужно пояснять.

Но далее. Вся после-военная политика Франции базировалась на Лиге Наций. Весь смысл этой политики сводился к тому, чтобы через Лигу Наций, пользуясь «ковенантом», как орудием, налагающим вполне определенные обязательства на ее членов в смысле «взаимопомощи», связать и привязать к себе на случай возможной войны с Германией Англию, с одной стороны, мелкие, но в своей сумме составляющие внушительную силу, государства Европы, с другой. Годы Франция выступала чемпионом Лиги Наций и боролась с тою «холодностью», которую — за вычетом короткого периода пребывания у власти Рабочей Партии — неизменно обнаруживали по отношению к женеvскому институту консервативные правительства Англии, именно в силу

нежелания связать себя заранее союзными обязательствами. И как раз в тот момент, когда политика Англии — конечно, под влиянием «имперских» интересов ее, поставленных под угрозу наступлением итальянского фашизма на Абиссинию, — решительно поворачивает в сторону Лиги Наций, именно в тот момент, когда уже не Франция, а Англия выступает рыцарем Лиги Наций и обязательств взаимопомощи, налагаемых на всех ее членов ковенантом, — именно в этот момент высшего триумфа всей после-военной политики Франции, сама Франция отворачивается от своего детища, ее официозные публицисты (напр., Сорвэйн в «Пти Паризьен») начинают говорить иронически о женеvском институте и проповедывать идею, что Лига Наций, пакт и пр. — все это чистейшая словесность, что и без Лиги Наций Англия, в силу своих собственных интересов, так же поспешит на помощь Франции, как поспешила она в 1914 году! Трудно думать, чтобы французская дипломатия и ее публицисты не знали, что в новых условиях эта автоматичность английской помощи более, чем проблематична, что в той борьбе различных международно-политических ориентаций, которая в этих условиях ведется в пределах господствующих классов Англии, ориентация на сговор с германским национал-социализмом и Японией за счет СССР, с одной стороны, юго-востока Европы, с другой, занимает весьма видное место и при случае может иметь весьма реальные шансы на осуществление. Трудно думать поэтому, что только перспективами грозящей франко-германской войны определяются старания французской дипломатии вытаскивать Муссолини из того кроваво-грязного болота, в котором он увязает, хотя бы и за счет франко-английской «дружбы», хотя бы и за счет Лиги Наций!

А малые государства, для которых вся Лига Наций, а следовательно, и все прислонение к Франции теряет всякий смысл, если Лига Наций на примере Абиссинии санкционирует завоевание, раздел и ограбление малых и слабых стран, когда то покажется нужным Франции, игравшей до сих пор роль их могущественной покровительницы и защитницы? Отдача Австрии в удел Муссолини сыграла уже достаточно плачевную роль в этом смысле. Принятие парижского плана оказалось бы в этом отношении роковым. Опять-таки годы французская дипломатия старалась вовлечь все мелкие государства в свою орбиту на случай войны с Германией. А ныне, когда Англия пытается через Лигу Наций заранее связать и на случай этой войны все страны, в том числе и мелкие, определенными обязательствами, мы с удивлением читаем в передовице «Тан» (22 декабря): «Речь идет о вопросе, имеющем общее значение, и, в частности, скандинавы хорошо сделают, если подумают, что то, что сейчас происходит в Средиземном море, может когда-нибудь произойти в Балтийском и Северном морях». Официоз французского министерства иностранных дел предостерегает «средние и мелкие нации», «настаивающие особенно горячо на соблюдении правил пакта», от той «ответственности и того риска, которому они подвергают себя», принимая на себя обязательства, связанные с таким соблюдением!

И, наконец, Советский Союз, с которым тот же Лаваль подписал договор, правда, донныне не ратифицированный, но который в стратегии французского генерального штаба должен, как бы ни оценивать боеспособность Красной Армии, играть на случай франко-германской войны роль, во всяком случае не меньшую, чем играла в прошлую войну царская Россия, т. е. роль державы, если не участвующей в организации победы, то уж по крайней мере оттягивающей на себя значительную часть германских корпусов.

Англия, «средние и мелкие нации», Советский Союз, не говоря уже о Соединенных Штатах, которые как раз

сейчас японская агрессия на Тихом Океане заставляет искать сближения с Англией, — трудно поверить, чтобы на стратегических весах возможной франко-германской войны Италия и впрямь оказалась тяжелее всех этих факторов вместе взятых. И, следовательно, невозможно поверить, что только перспективой этой войны диктуется политика, эфемерным «увенчанием» которой явился парижский план. И если, помимо частных интересов магнатов финансового и промышленного, особенно военно-промышленного капитала, которые всегда играют весьма важную роль во внешней политике капиталистических держав, присмотреться к внешнеполитической ориентации различных общественных сил во Франции, то трудно не придти к выводу: парижский план «спасал» не Италию, не итальянский союз в возможной франко-германской войне, а итальянский фашистский режим. Падения этого режима, со всеми связанными с этим падением революционными потрясениями и их возможными последствиями для всей капиталистической Европы и, особенно, для соседних с Италией стран, не хотели допустить господствующие ныне во Франции силы: внешняя политика и в этом случае явилась «продолжением внутренней»... И отсюда, от этой невысказанной и невысказываемой причины определенной международно-политической ориентации и ее, более чем странное и противоречивое обоснование: против санкций, потому что они практически неосуществимы, и сейчас-же — против санкций, потому что, осуждая итальянский народ на лишения, они оскорбляют его чувство национальной гордости и заставляют его тем сильнее спланиваться для отпора; против распространения санкций на нефть потому что, в виду позиции Соединенных Штатов, они окажутся недействительным, и сейчас-же — против этого распространения, потому что, подрывая для Муссолини возможность продолжать войну в Абиссинии, они толкнут его на «акт отчаяния». Вести без нефти войну в Абиссинии он не может; вести без той-же нефти войну против Англии и коалировавшейся против него в Лиге Наций полсотни государств — для него нипочем. Пойми, кто может!

Как известно, именно этот аргумент от опасности военного англо-итальянского а то и обще-европейского пожара, который может зажечь прижатый к стене Муссолини, и сыграл решающую роль в парижской капитуляции Хора, поддержанной в первый момент и премьер-министром Болдуином. Но капитуляция эта наткнулась сейчас-же не только на противодействие Советского Союза и «средних и мелких наций», справедливо усмотревших в нем угрозу своей собственной безопасности, но и на бурный протест в самой Англии. Протестовали не только широчайшие народные массы, только что на выборах засвидетельствовавшие свою приверженность «политике Лиги Наций»: мимо этого протеста консервативное правительство Болдуина не постеснялось бы пройти. Протестовало и лондонское «Сити», не только средиземно-морские, но мировые и имперские интересы которого в данный момент тесно связаны с той-же «политикой Лиги Наций». Против этого протеста консервативное правительство устоять не могло. Отсюда — небывалая в истории английского парламента, внезапная смена декораций в 24 часа, немедленная отставка Хора и отсроченная, но, несомненно, поставленная в порядок дня отставка самого Болдуина. Во Франции, сколько можно судить по парламентским голосованиям, хотя и давшим пока, в силу ряда внутри-политических соображений, незначительное большинство Лавалю, действительное большинство избирателей также настроено против политики парижского плана. Но французское «Сити» — за нее. Этим объясняется более замедленный темп реакции на парижский

план во Франции, но вряд-ли можно сомневаться, что и здесь положение правительства им сильно поколеблено.

Парижский план похоронен. Но его последствия остаются. Эти последствия сводятся, прежде всего, к тому, что он не только привел к отсрочке наиболее действительной санкции, «нефтяной», но подорвал доверие к самой политике санкций или, точнее, к решимости великих держав, в первую голову Франции, проводить их с энергией, без которой они надлежащего эффекта дать не могут. Тем самым, обострив сомнения и колебания и «средних и мелких наций», и Англии, и Соединенных Штатов, он поколебал все здание Лиги Наций и основанной на ней «системы коллективной безопасности», которая является единственно доступным капиталистическим державам орудием охранения мира. Он усилил таким образом военную опасность, ослабив силы сопротивления ей. И в то же время он и активно поспособствовал нарастанию военной опасности. Он поспособствовал этому нарастанию тем, что воочию продемонстрировал неспособность руководящих держав капиталистического мира сплотиться для решительного и дружного противодействия всяким военным авантюрам за счет более слабых народов или в областях земного шара, в данный момент, непосредственно интересов этих держав не затрагивающих. Это — прямое поощрение и для Японии, и для германского национал-социализма. Но парижский план поспособствовал нарастанию военной опасности и с другой стороны, не только поощрив итальянский фашизм к затяжке абиссинской войны, но позволив ему стать в позу чуть не суперарбитра европейского и всемирного мира.

Ибо нельзя отрицать: угроза Муссолини атаковать английскую эскадру и зажечь европейский пожар, если вода подступит ему к горлу, есть вполне реальная опасность. Свой «отчаянный шаг» он предпримет, конечно, без всякой надежды на успех в той войне, которую грозит развязать. Его угроза продиктована не экономическими и империалистическими интересами итальянского капитализма, а лишь инстинктом самосохранения фашистского режима, геростратовской злобой гибнущего авантюриста: «умри, душа, с филистимлянами!». Эта угроза представляет собою не что иное, как шапитаж, делающий спасение итальянского фашизма условием европейского и всемирного мира. И нельзя сомневаться, что свою угрозу Муссолини попытается привести в исполнение, — если сможет.

Так, стало быть, и впрямь «санкции — это война», как уверяют те, кто всячески поддерживают войну Муссолини против Абиссинии и делают все возможное, чтобы усилить военную опасность в Европе и во всем мире?

Да, нельзя не видеть: политика санкций в современном капиталистическом мире связана с военной опасностью, как связаны с нею все средства «охранения мира», которыми располагают капиталистические правительства. Но надо сказать, что из всех возможных сейчас способов защиты мира политика санкций, в силу причин, о которых достаточно сказано выше, есть единственная возможная для капиталистических правительств политика, сводящая военную опасность к минимуму, если — если эта политика проводится так, как она должна проводиться, чтобы дать быстрый и верный эффект, и как она — это необходимо констатировать в первую голову! — до сих пор не проводилась.

Чтобы быть эффективной в смысле скорейшего прекращения абиссинской войны, грозящей стать той искрой, от которой вспыхнет мировое пламя, политика санкций должна была быть быстрой, решительной, «массивной», не дающей виновнику войны никаких лазеек,

никакой отсрочки, никаких послаблений. Вместо этого была принята политика санкций «через час по столовой ложке», политика оглядки на империалистические и свекорыстные интересы национальных капитализмов, особенно капитализмов великих держав, политика, в которой эти интересы пробивали и пробивают широкие бреши.

Чтобы быть эффективной, политика санкций должна была с самого начала сознательно ставить себе целью — ударить по действительному виновнику войны, итальянскому фашизму. Вместо этого все усилия даже решительных сторонников санкций в рядах капиталистических держав были с самого начала направлены на то, чтобы ничем не подорвать «престижа» фашистского режима, избежать всего, что могло бы поколебать его устойчивость и привести к его падению. Не только никогда не поднималось речи о приведении в исполнение того пункта статьи 16 пакта Л. Н., согласно которому нарушитель пакта «считается совершающим акт войны против всех членов Л. Н.», а «последние обязуются немедленно порвать с ним всякие торговые или финансовые отношения» и, как гласил принятый в 1921 году комментарий к этой статье, отозвать своих дипломатических представителей, но, наоборот, — за спиной и без ведома подвергшейся нападению и взятой под покровительство Л. Н. Абиссинии, — с Муссолини непрерывно велись и ведутся переговоры и торги, и он и сейчас еще, после крушения парижского плана, гордо заявляет, что «ждет новых предложений!» Результаты налицо: вместо того, чтобы лишить итальянский фашизм всякой возможности изрыгать геростратовские угрозы, дело довели до того, что «дуче» держит в своих руках судьбы европейского мира и грозит взорвать всю Европу, если она не подчинится его «диктату»!

Основные выводы, следующие отсюда для международно-политической ориентации пролетариата, кажутся, ясны: единственно серьезной гарантией мира может быть крушение фашистских режимов — не в одной только Италии, и потому всякая политика, не ставящая себе сознательно эту задачу, будет плохо охранять мир и плодить элементы новой военной опасности; целью санкций должен быть подрыв фашистского режима в Италии, их методом — быстрое, бесповоротное и «массивное» приведение всей возможной полноты их в действие. Но не менее ясно должно быть для международного пролетариата, что проводить такую политику мира и такие санкции Лига Наций никогда не сможет и не захочет, пока руководящую роль в ней играют правительства капиталистических классов. Поэтому, поддерживая хотя бы и недостаточные мероприятия Лиги в деле охраны мира; пользуясь хотя бы и империалистическими интересами господствующих классов тех или иных стран, чтобы сделать хоть маленький шаг вперед в этом направлении (как это только что имело место в Англии в связи с парижским планом), — пролетариат никогда не может отождествлять своей политики с политикой Лиги и этих классов, никогда не может отказаться от глубокого недоверия к ним. Он должен сказать себе, что не только «вечный мир» невозможен в капитализме, но что в современном капиталистическом мире, каков он есть, и охранение мира, как задача сегодняшнего дня, оказывается не под силу господствующим классам. Выполнить эту задачу и превратить Лигу Наций в мощное орудие ее осуществления может только рабочий класс, завоевавший власть в решающих странах капиталистического мира.

Ф. Дан.

Явление Сталина народу

Когда читаешь в советской печати отчеты о последних слетах, точнее, съездах стахановцев, передовых комбайнеров и колхозных хлопководов Таджикистана и Туркменистана, невольно думаешь: нет на вас Щедрина! Раблепное преклонение перед Сталиным приняло на этих слетах чемпионов высокой производительности чисто византийские формы, лишь скрашенные плебейской фамильярностью сверху вниз. Картина сердечного единения вождя с советским народом напоминала грубый лубок для наклейки в рабочем бараке или в колхозной избе. Снизу — «пламенные приветия», заводные овации, густой — не продохнуть! — фимиам неумеренных эпитетов и славословий; сверху — поощрительные реплики и аплодисменты, милостивые рукопожатия и даже сердечные объятия. Надо ли для полноты картины прибавить массовое награждение делегатов орденами и раздачу им золотых часов — совсем по примеру царских приемов волостных старшин!

Это безвкусное воскрешение ужимок старой власти «вождем мирового пролетариата» вызывает не только нравственную тошноту, но и досаду.

«Нет,

«Мне не смешно, когда маляр негодный
«Мне пачкает Мадонну Рафаэля!»

Нам, социалистам, не смешно, когда это византийское действо обожествления самовластного вождя совершается под знаменем социализма и под видом «рабочей демократии». Нам не смешно, когда власть, вышедшая из революции, в процессе своего бонапартистского, вернее, цезаропапистского вырождения доходит до того, что вызывает к жизни дремлющие еще

в народе позывы исторического атавизма и потворствует раблепным навыкам, рожденным столетиями рабства и, казалось бы, навек уничтоженным революцией.

Нужен ли самому Сталину этот неумеренный культ его личности? Не знаем. Да это и не так существенно. Личное честолюбие Сталина, как и его безмерное властолюбие сами по себе не могут объяснить своеобразной «рецепции» византийского цезаропапизма в эпоху «строющегося социализма». Персонификация диктатуры есть ее непреложный закон. Как бы широка ни была по замыслу ее идеологов социальная база диктатуры, она неизбежно, как пирамиды фараонов, суживается до математической точки единовластия. Отделившись от общественных классов, вынесших ее к власти, и возвысившись над ними, диктатура вынуждена подменять реальную массовую основу мистикой власти, культом вождя, коленопреклонением народа. Специфически цезаропапистский характер культа Сталина, соединяющего в своих руках меч светский и меч духовный, обусловлен неслучайным совпадением теократического характера большевистской идеологии с византийскими традициями русской государственности, искони основанной на всемогуществе централизованной власти и на бессилии распыленного народа. Но самый-то культ «вождя» — Сталина — на известной ступени вырождения партийной диктатуры большевиков стал государственной необходимостью и, следовательно, политической задачей. Политическая функция Сталина в системе диктатуры выходит уже за пределы его личного властолюбия.

Эта эволюция политической «надстройки» в Совет-

ской России находится в кричащем противоречии с официальным утверждением большевиков о социалистическом, якобы, преобразовании экономического «базиса». Получается странный результат: чем больше социализма, тем меньше демократии и свободы! В своей речи на с'езде стахановцев «великий» (Ваше Величество?) мимоходом бросил замечание, встреченное «одобрительными возгласами» и аплодисментами: «Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой. Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными». Что подвластные диктатору народы Советского Союза пользуются «благами политической свободы», в этом как будто не может быть, по Сталину, сомнений. Величайшая проблема русской жизни, вопрос жизни и смерти загнанной большевиками в исторический тупик революции, стирается, таким образом, походя брошенной вождем фразой, подобно тому, как мокрой губкой стирается учителем с классной доски решенная задача...

А между тем явление Сталина народу в Кремле всей своей инсценировкой напоминает как раз о нерешенности этой основной задачи русской революции, без разрешения которой все «социалистические» потуги большевистской диктатуры обречены на вырождение в те или иные формы государственного капитализма, весьма родственные фашистскому этатизму. Единение вождя с народом понадобилось сейчас именно как суррогат отсутствующей демократии трудящихся, невозможной вне «благ политической свободы». Сколько бы ни подчеркивался ораторами на последних с'ездах самочинный, низовой характер стахановского движения, из всех речей, как самих стахановцев, так и «вождей», торчит, как шило из мешка, умышленный, нарочитый, плановый характер стахановского движения, сверху развязанного и навязываемого низам, как обязательная «новая форма социалистического соревнования», сиречь, как новый принудительный метод стремительного поднятия производительности труда.

Нас не собьют с толку при оценке стахановщины кликушеские выражения верноподданнической признательности по адресу «виновника всего этого дела», как называли Сталина захваленные и задаренные стахановцы заводов и полей, вызванные им в Кремль, — как не собьют нас с толку и грубые угрозы «родного отца» по адресу хозяйственников и инженерно-технических работников «дать этим уважаемым людям слегка в зубы», якобы за противодействие рабочей инициативе и самодеятельности. Мы не забыли простых, но глубоких по смыслу, слов пионера социализма в России, Н. Г. Чернышевского: «Ничьи посторонние заботы не приносят людям такой пользы, как самостоятельное действие по своим делам». Такое самостоятельное действие по своим делам, личное и коллективное, составляет альфу и омегу освободительного движения пролетариата. Оно невозможно без «благ политической свободы», которые начисто отсутствуют в тюремном здании сталинского государства.

Непосредственным поводом для выхода нелюдимого вождя вождей из недоступных тайников Кремля, где так удобно соблюдать необходимый для мистики вождизма пафос дистанции, явилась назревшая необходимость во что бы то ни стало добиться преодоления самого узкого места советской экономики — низкой производительности труда. Взяв на себя нераздельное руководство всей экономической жизнью огромной страны, большевистская диктатура не может не заботиться о всемерном поднятии производительности труда в городе и деревне. Но эта народохозяйственная задача первого ранга только в обстановке диктатуры может решаться за счет полного игнорирования всех решитель-

но соображений социально-политического порядка. Только при отсутствии демократии и независимых рабочих организаций, усугубленном еще экономическим всевластием государства, как монопольного работодателя, возможно навязывать рабочему классу и колхозному крестьянству стахановские методы повышения производительности труда*).

В Англии очень популярны сейчас скачки собак за «электрическим зайцем». Чучело зайца особым механизмом пускается в ход с ускоряющейся быстротой, а за ним начинается бешеная гонка собак. Роль «электрических зайцев» играют стахановцы. Прием не новый. Его с успехом применял Форд. Соблазн высокой заработной платы заставляет «перекрывать» нормы, а там понижение расценок опять вызывает новую гонку за электрическим зайцем.

Стахановщина игнорирует на практике, умышленно выдавая чаемое за сущее, основные условия повышения производительности труда — высокий уровень жизни рабочих, общую культурность и техническую подготовку — и все ставит на карту рекордсменства и премирования. Разумеется, в современных условиях без личной заинтересованности рабочих трудно добиться повышения производительности труда. Надо почитать однако речи партийных вождей и пионероз стахановского движения, чтобы понять, как далеко это грубое разнуздывание инстинкта наживы от здорового поощрения заинтересованности рабочих в повышении производительности их труда, — не говоря уже о мотивах подлинно социалистического соревнования, возможного только при свободном самоуправлении трудящихся в общественном процессе производства.

А между тем это разнуздывание инстинкта личной наживы облекается Сталиным в форму нового евангелия. Темпомания снова становится средством взять нахрапом все исторические барьеры, чтобы «первыми» прийти к старту заверщенного социализма. Да что социализма! Социализм уже достраивается, по Сталину; жизнь стала «зажиточной и веселой», надо гнать дальше, новым рывком дорваться до коммунизма. В своей новой нагорной проповеди на слете стахановцев Сталин торжественно заявил, что «значение стахановщины состоит еще и в том, что она подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму». От распределения продуктов потребления по работе, как при социализме, мы перейдем при помощи стахановщины к распределению по потребностям, т. е. к интегральному коммунизму — венцу освободительных стремлений пролетариата!

Сталин поставил новую веху. Он выдал рабочему классу новый вексель. Он поставил перед ним новую, самую заветную, самую соблазнительную, воинственную конечную цель, чтобы сегодня, в интересах повышения производительности труда и наиболее полного использования дорогого оборудования построенных фабрик и заводов, добиться от рабочих и колхозников нового, величайшего, предельного усилия, быть может, ценой здоровья и жизни миллионов, как это было в эпоху реконструкции.

Велика гордыня Сталина! В отличие от библейского Моисея, он хочет непременно самолично привести свой народ в обетованную землю коммунизма. С категорией времени всемогущий диктатор расправляется при этом

*) В стахановском методе надо различать элемент рационализации трудового процесса, вполне приемлемый, и момент сверхъестественного усиления интенсивности труда, приводящий к быстрому изнашиванию организма рабочего. Кстати, подумал ли вождь мирового пролетариата об отражении стахановщины за границей, где капитализм, ссылаясь на стахановские сверхнормы, начнет повышать свои «отсталые» технические нормы, т. е. повышать эксплуатацию труда?

с такой же легкостью и беззаботностью, как и с марксистским представлением о закономерности исторического развития. Доверьтесь только вождю, сохраните за ним всю полноту диктаторской власти, и он уж обязательно приведет избранный советский народ в лоно коммунизма, где будет обеспечено «полное изобилие предметов потребления», «исчезнет противоположность между трудом умственным и трудом физическим», уничтожится различие между городом и деревней.

У вековечение диктатуры — вот цена сталинского коммунизма, вот смысл философии всей! Пусть по Марксу и Энгельсу переход к коммунизму должен сопровождаться постепенным отмиранием государства, «заменой управления людьми управлением вещами». Сталин продолжает видеть в диктатуре, прикрытой фиговым листком советской демократии, а при нужде и презренной «чецырехвосткой», единственную га-

рантию довершения социализма и форсированного перехода к коммунизму.

Верит ли сам кремлежителъ в свою новую утопию? Или это только новая сказка, новый посул «для дурачков», дымовая завеса для бонапартистской консолидации революции, столь наглядно иллюстрируемой сейчас введением военных чинов, парадных мундиров и всей этой позументной бутафории для отличения нового правящего сословия? Не знаем. Но в одном мы уверены: если даже Сталин с верой в свое мессианское призвание и в свою новую сугубую утопию вновь начнет прищипывать загнанного коня русской революции, то в результате с ним неизбежно случится то же самое, что с героем известной баллады Гете:

«Ездок погоняет, ездок доскакал —
«В руках его мертвый младенец лежал»...

П. Гарви.

Укрепление рубля и ликвидация Торгсина

Советская власть решила всерьез взяться за приведение в порядок денежной системы. В нашей статье «Как укрепить советский рубль» («С. В.» № 21) мы уже осветили те основные причины, которые повелительно побуждают советскую власть стремиться к стабилизации денег, и те предпосылки, которые, по нашему мнению, необходимы, чтобы это стремление реализовалось в жизни.

Переход к открытой торговле, введение единых цен в торговой системе, ликвидация классовых рублей, двукратное снижение цен на продукты первой необходимости, упорная борьба за снижение себестоимости в производстве, — все это необходимейшие звенья той политики, которая в целом ставит своей задачей укрепление рубля и оздоровление всей денежной системы. Сейчас в этом ряду прибавилось еще несколько мероприятий.

Постановлением от 14.11.1935 по всему СССР ликвидируются магазины и склады Торгсина и прекращается отпуск товаров по его бонам. Одновременно Госбанк объявил о том, что впредь иностранная валюта будет обмениваться в СССР по новому курсу: за 1 фр. франк будет выплачиваться 33 1/3 копейки, паритет же в отношении остальных иностранных валют будет определяться по их курсу в отношении франц. франка. В настоящее время Госбанк по новому курсу платит за 1 доллар 5 рублей, за 1 англ. фунт — 25 рубл., за 1 шв. франк — 1.60 и т. д. Обмен будет производить Госбанк, его отделения и специальные меняльные конторы на границах СССР.

И в Советском Союзе, и особенно за границей эти решения вызвали большой интерес. Эти постановления ударяют очень остро по тем кругам русского населения, которые регулярно получали помощь от родных из заграницы и по иностранцам, которые покупали в лавках Торгсина за фунты, доллары и франки, — вернее за боны Торгсина, выданные взамен этой валюты, — продукты по цене значительно более низкой, чем в магазинах открытой продажи. Теперь это преимущество ликвидировано. Для того чтобы понять, как велики те материальные изменения, которые произведут новые постановления, достаточно указать, что ранее боны Торгсина, приобретенные, напр., на 100 фр. франков обеспечивали на месяц скромный прожиточный минимум для одного лица (кроме квартиры и платья), теперь же эти 100 франков превратятся лишь в 33 1/3

рубля, т. е. примерно в 1/5-1/7 прожиточного минимума.

Интересов широких кругов русского населения, рабочих и крестьян, оба эти мероприятия непосредственно не затрагивают. Большинство русского населения ни валюты, ни бонор Торгсина, конечно, не имело. Но эти меры будут иметь большое влияние на все денежное хозяйство и поэтому косвенно окажут влияние на нужды всего населения.

Быть может, некоторую роль в закрытии Торгсина сыграло желание ликвидировать разящие привилегии, которые имели в СССР иностранцы и обладатели валюты. Но главная причина, конечно, не в этом. Тем более, что мало доступные рабочим магазины «Гастронома» вызывают не меньшее раздражение масс и, однако, всемерно поощряются. Да и весь новый курс имеет сейчас в СССР совсем иное направление. Торгсин надо было ликвидировать потому, что его существование противоречило курсу на унификацию советской денежной системы и потому, что Торгсин являлся легализованной «черной биржей», свидетельствующей о нереальности официальных денежных курсов Наркомфина.

Существование в обороте бонор Торгсина засоряло денежную систему. Курс, по которому в Торгсине фактически обменивалась иностранная валюта на товары, резко не соответствовал тому курсу, который на эту же валюту установил Наркомфин. Выходило на практике так, что если обладатель долларов обменивал их в Торгсине на боны, то в магазинах Торгсина он мог купить продуктов в 5-10, а иногда и в 20 раз больше, чем если бы он продал доллары в Наркомфине, а затем купил бы на полученные рубли продукты в советском магазине.

Например, в «открытой» торговле килограмм масла стоит 12-13 руб., килограмм макарон — 3 руб. 50 к., кгр. сахара — 4 руб. 70 к., кгр. селедок — 4 руб. 20 к., кгр. риса — 6 руб., а в магазинах Торгсина: кгр. масла — 0,8-1 руб., кгр. макарон — 20 коп., кгр. сахара — 23 к., кгр. селедок — 18-35 коп., кгр. риса — 18 коп. Даже хлеб в «открытой» торговле стоит 0,8-1 руб., а в магазинах Торгсина — от 10-20 коп.

В отношении своих граждан советская власть уже ранее ликвидировала классовые распределители, устранила разноценностные рубли, но Торгсин оставался до самого последнего времени оазисом с особыми

преимуществами для «валютчиков», исключением, разлагающим и денежную и торговую системы.

Надо открыто признать, что решение ликвидировать Торгсин само по себе есть несомненное свидетельство укрепления советских финансов. Приток иностранной валюты — и через переводы родственников и через иностранных туристов, — который наблюдался в последние годы, естественно ослабевает теперь, когда выгодный разменный курс для иностранной валюты отойдет в область преданий. А ведь еще несколько месяцев тому назад операции по привлечению иностранной валюты были столь важным ресурсом финансовой политики советского государства, что для мобилизации долларов и фунтов не брезгали никакими нажимами на закон и не останавливались перед угрозами и прямым давлением. Но, как видно, на данной стадии вред, приносимый особыми привилегиями Торгсина стал превышать пользу от получения валюты и золота через эти каналы.

Сейчас ликвидация Торгсина уже заканчивается, и с 1 января по всему СССР будет существовать лишь единая равнозначимая денежная система.

Более сложные проблемы возникают в связи с установлением нового официального курса рубля. Иностранцы газеты, сообщившие об этом факте, писали о том, что в СССР уже произведена девальвация. Это несомненная ошибка. Пока что опубликовано лишь постановление Госбанка о курсе, по которому впредь будет обмениваться валюта. Но никаких постановлений об общей девальвации, т. е. о снижении золотого паритета рубля или о закреплении фактической сниженной покупательной способности рубля до сих пор еще опубликовано не было. Опубликованные постановления пока говорят лишь о подотворе реформы денежной системы, но самая реформа пока еще вся впереди, ее очертания пока не вполне определены. Советская власть приступает к упорядочению своей денежной системы в условиях столь своеобразных и на такой стадии состояния денежного хозяйства, что с одинаковым основанием можно говорить, что впереди предстоит и девальвация и ревалоризация. И то и другое будет весьма условно. Если исходить из номинальных курсов на советскую валюту, и если верны сведения, что впредь предполагается платить за 1 доллар 5 рублей, а за 1 англ. фунт 25 рубл., то мы стоим перед несомненной девальвацией, так как до сих пор курсы Наркомфина были 1 доллар — 1 руб. 94 к., 1 ф. ст. — 9 р. 70 к. Формально предстоит снижение паритета советского рубля, но если исходить из фактического положения, когда покупательная стоимость доллара или франка в отношении рубля в 7 и 10 раз выше официального курса, то предполагаемый новый курс советского рубля может быть установлен только после поднятия покупательной способности русского рубля и закрепления его на новом, более высоком уровне. К этому то и стремится сейчас советская власть и с этой точки зрения намечаемая сейчас денежная реформа скорее подходит под понятие ревалоризации.

«Расчетная база» установлена именно в фр. франках (1 рубль = 3 франкам), потому что «французский франк — почти единственная твердая капиталистическая валюта».

Если оставить в стороне все головоломные рассуждения на тему о формальном курсе рубля и о размерах его паритета в отношении иностранной валюты и подойти к вопросу со стороны интересов советского населения, то ясно, что сейчас советская власть ставит своей задачей увеличение покупательной способности рубля, а не его снижение, как это сделали в С. А. Ш. или Англии при девальвации. Для этого она осуществляет ряд

финансовых мероприятий и в первую очередь политику снижения цен.

Беда финансов СССР и слабость русского рубля на внешнем рынке в том то и состоит, что никто ни официального, ни близкого к нему курса за рубль не давал. Более того, ни на одной мировой бирже советский рубль даже не был допущен к котировке. Имеются все основания полагать, что сейчас советская власть подготавливает действительную стабилизацию и укрепление рубля, а затем намерена добиться котировки рубля на мировых денежных биржах. Переговоры, которые ведутся по этому вопросу на решающих мировых биржах — неофициально, но настойчиво — заставляют думать, что на этот раз советская валюта имеет большие шансы быть допущенной на мировые денежные центры. Кроме политических обстоятельств здесь решающую роль играет ряд экономических факторов: сильное укрепление советского хозяйства, стабилизация политической системы и аккуратность в уплате сов. властью по своим обязательствам. Большую роль сыграло также грандиозное увеличение добычи золота, которое удалось осуществить за последние четыре года. Хотя советская статистика скрывает действительные размеры этой добычи и дает лишь процент роста, но по нашим исчислениям в настоящее время добыча увеличилась почти в 3 раза. В 1930 г. было добыто 44,6 тыс. кгр. золота, а в 1935 г. — свыше 120 тыс. кгр. золота, план на 1936 г. намечает добычу 150-160 тыс. кгр. золота. Только этой возросшей добычей золота можно объяснить то обстоятельство, что советской власти удалось уменьшить за последние два года внешнеторговую задолженность с полутора миллиардов рублей до 120 миллионов. Кроме того, золотой запас, обеспечивающий денежную систему в СССР, упавший в 1926 г. до 164 миллионов рублей, сейчас возрос до 963 млн. рублей.

Все эти факторы дают много оснований для надежд, что на этот раз русская денежная единица будет допущена к котировке на мировых биржах. По нашим сведениям, несколько крупнейших банковских объединений предполагают взять на себя задачу ввести русскую денежную единицу на мировую биржу.

Мы говорим — русскую денежную единицу, а не просто червонец или рубль, так как имеем сведения из достоверных источников, что в самое ближайшее время в СССР будет введена новая денежная единица. По одним версиям она будет называться «ленина», по другим «ленинка». Но как бы она ни называлась, очевидно, что заменить существующую денежную единицу другой будет иметь смысл лишь при изменении фактического паритета русской валюты в отношении золота и при закреплении его нового уровня.

Несомненно, что СССР накануне серьезной реформы денежного обращения. Но если советская власть действительно думает закрепить русский рубль на уровне трех франков, то для этого необходимо в ближайшее время значительное повышение покупательной способности советских денег на внешнем рынке. Активный торговый баланс за последние годы, активный платежный баланс за последний год, улучшение финансового хозяйства, о котором мы писали выше, все это обстоятельства несомненно положительные для проведения реформы, но важнее всего, необходимее всего, повышение покупательной способности денежной единицы внутри страны. А этого добиться сейчас весьма нелегко. С тех пор, как вся денежная система в СССР поставлена в зависимость от законов рынка, одними принудительными ценами и твердыми нормами зарплаты в этой обла-

сти много не достигнуть. Здесь то весь центр и основное условие всей проблемы.

Как мы уже писали в прошлой статье, советская власть попадает в заколдованный круг. Для того, чтобы укрепить денежную систему надо раньше всего улучшить товароборот. Увеличить товароборот можно лишь, подняв покупательную способность населения. Между тем существенно поднять заготовительные цены на с.-х. продукты и увеличить зарплату советская власть не решается, так как боится инфляции. Поэтому предполагается в ближайшее время, подтянув лишь зарплату некоторых отставших отраслей, в основном применить следующий метод: вновь понизить цены на продукты широкого потребления на 30-40% в среднем. Эта сильно действующая мера может дать положительные результаты только в том случае, если имеющиеся и производимые товары смогут покрыть весь спрос населения, который при столь большом понижении цен естественно сильно возрастет. Если же в результате этой меры произойдет лишь обострение товарного голода, то вся денежная реформа будет опрокинута.

Мы не знаем, как советская власть предполагает решить эту проблему. Но следует помнить, что в последнее время курс русского рубля удавалось удерживать даже на пониженном уровне только благодаря политике, направленной на ограничение покупательной способности широких масс. Какая политика будет вестись впредь? Денежная реформа находится в самой тесной связи с состоянием товарного рынка.

По нашему мнению, укрепление денежной системы

Кризис профдвижения

Наконец и в советской печати заговорили о кризисе профдвижения СССР. «Профсоюзы переживают кризис» (подчеркнуто в «Труде»). «Многие члены профсоюзов выражают законное недовольство работой своих профорганизаций и ставят вопрос о том, нужны ли профессиональные союзы и что они дают пролетарскому государству и рабочим массам». «Нужна самая резкая и беспощадная самокритика со стороны рабочих и профактива», «острая, принципиальная, не взирая на лица». Нужен «решительный и крутой поворот в профработе». «Нужно развязать низовую инициативу, и массы помогут поставить профработу на должную высоту». Все эти неожиданные признания — из передовой «Труда» от 22-го ноября, посвященной только что закончившемуся совещанию ВЦСПС, МОСПС и ЦК союзов с московским профактивом и стахановцами. — Критика «не взирая на лица». Очень хорошо! — «Развязать инициативу» масс. Превосходно! — Уж не начинается ли новая эра в развитии профдвижения в Советском Союзе?

Увы, пока для такой оптимистической оценки еще нет оснований. В разговорах о кризисе профдвижения слишком много казенной шумихи и — как это ни парадоксально звучит — самоуспокоенности, слишком мало действительного понимания серьезности положения, действительной готовности развязать свободную, творческую инициативу рабочих масс. «Племя профессиональных говорунов», присвоившее себе монополию представительства миллионных масс членов профсоюзов и до виртуозности развившее в себе способность «оболтать» всякое здоровое начинание, уже со всей энергией занялось кризисом профсоюзов. Все те, на кого прежде всего падает ответственность за то, что профдвижение дошло у нас до состояния глубокого маразма, оказываются в первом ряду неумолимых крити-

возможно лишь при поднятии покупательной способности населения и одновременном увеличении товарной массы внутри страны. Но для этого необходимо переключиться быстро и всерьез на производство продуктов широкого потребления. Более того, для этого необходимо, по крайней мере на первых порах, решиться на покупку за границей необходимых изделий. Это было бы мудрейшим и дальновиднейшим употреблением части созданного золотого запаса. Мы много об этом в свое время писали. Нас большевики за это весьма усердно клеймили и отвечали одами в похвалу стали и нефти. Сейчас, наконец, в верхах ВКП поняли, какое громадное значение имеет своевременное удовлетворение насущнейших нужд населения. Сейчас в Политбюро наряду с чугуном уже очень много говорят и о ситце.

Но широкие массы убедят не километрические статьи о зажиточной жизни, а сама зажиточная жизнь. Они поверят в возможность лучшего существования тогда, когда каждый трудящийся за свой заработок сможет свободно купить по сходной цене пару сапог, добротное платье и другие нужные ему продукты. Между тем, только что опубликованные отчеты показывают, что производство легкой индустрии попрежнему отстает: НКТяжпром дал возрастание за 11 мес. на 26%, а НКЛегпром лишь на 10,2% — («За Инд.», от 14 дек. 1935 г.).

Твердая и полноценная валюта очень важный фактор хозяйственной жизни, но здоровая денежная система лишь производное от оздоровления народного хозяйства в целом.

А. Югов.

ков. Этот странный фарс начался выступлением 1-го секретаря ВЦСПС Шверника: «Мы должны смело, не взирая на лица, огнем большевистской критики вскрыть все наши недостатки, вскрыть людей, которые тормозят перестройку нашей работы» («Труд» от 22-го ноября). Швернику вторят секретари ВЦСПС. Полонский и Вейнберг, Аболини и Евреинов — все они пышут негодованием по поводу «медлительности и неповоротливости ВЦСПС», «крупнейших ошибок и недостатков» в работе профсоюзов, «глубоко вевшихся чиновничьих, канцелярско-бюрократических методов работы, которые мешают вовлечению добровольческого актива в работу профсоюзов», и т. д., и т. д. Но кто же, как не та же пятерка, составляющая секретариат ВЦСПС, т. е. тот орган, который фактически является полновластным всесоюзным центром профдвижения, прежде всего и должна отвечать за то, что наше профдвижение доведено до такого жалкого состояния? Руководители ВЦСПС трусливо замечают следы и пытаются отговориться от лежащей на них ответственности пустопорожними речами о вине ВЦСПС и ЦК союзов вообще, тщательно уклоняясь от постановки вопроса о конкретных виновниках развала профдвижения.

Трусость проходит красной нитью через все эти высказывания. Еще только вот-вот «Труд» обмолвился о кризисе профдвижения. Но руководителям нашего профдвижения стало уже не по себе, и они пытаются смягчить это неосторожное признание и с настойчивостью и упорством повторяют формулу о «своеобразном кризисе» профдвижения. Эта формула стала уже стереотипной. Но что такое «своеобразный» кризис? Кризис или нет? А это уж видно будет. Зачем себя слишком ангажировать. Может быть, еще можно будет «разяснить», что «своеобразный кризис» это, в сущности, не

кризис, а лишь видимость кризиса, что в действительности все обстоит «в общем и целом» преблагополучно.

Исходной точкой всех этих «самокритических» выступлений явилась беседа Сталина с секретарями ВЦСПС, состоявшаяся еще полгода тому назад. Беседа эта хранилась до сих пор в строжайшей тайне. А между тем во время этой беседы было высказано несколько мыслей, которые очень стоило бы своевременно опубликовать. Сталин, оказывается, журил злополучную пятерку за то, что «выборы фабзавкомов начались неорганизованно и о них не знают широкие массы», что «выборы проходят без подлинной пролетарской демократии и при выборах протаскивают списки неугодных рабочим и служащим кандидатов». Сталин «указал, что средний рабочий видит и чувствует плохую работу профсоюзов и иногда задает вопрос: нужны ли вообще профсоюзы?» Сталин отметил, что «профсоюзы дублируют хозяйственные органы, в то время как главная задача профсоюзов — сосредоточить все свое внимание на культурно-бытовых запросах широких масс» («Правда» от 11-го декабря). После этих разъяснений Сталина выборы фабзавкомов, к которым повсеместно приступили незадолго до того, были приостановлены впредь до выработки новой профсоюзной платформы. Но платформы этой нет и до сих пор, и лишь Ц К ВКП образует вскоре после беседы Сталина с секретарями ВЦСПС специальную комиссию под председательством Кагановича, которая и занялась выработкой новой программы деятельности профсоюзов.

Здесь все уродливо. И то, что вопрос о кризисе профдвижения и о коренной перестройке профсоюзов ставится пред профдвижением извне и разрешается в ерхушечном порядке, путем «указаний» генерального секретаря партии секретарям ВЦСПС. И то, что в таком же порядке приостанавливаются выборы фабзавкомов. И то, что обо всем этом ни члены профсоюзов, ни даже профактив в течение полугода ничего не знают. И то, что комиссия по разработке новой профсоюзной платформы создается без организованного участия профсоюзов и в строжайшей тайне, что даже после того, как стало известно об образовании этой комиссии, для членов профсоюзов остается тайной кто, кроме председателя Кагановича, входит в состав комиссии, над чем комиссия работает вот уже немало месяцев и в какой стадии находятся ее работы. При таких методах «перестройки профсоюзов» трудно отнестись серьезно к заявлениям о «развязывании инициативы» профсоюзных масс, об осуществлении действительной профсоюзной демократии и т. п.

А ведь кризис профдвижения принял у нас подлинно чудовищные размеры, превратившись в какое-то глубокое, застарелое, хроническое заболевание, для лечения которого необходимо применение действительно героических мер. Может быть, наиболее отталкивающей чертой внутреннего развала профдвижения является тот факт, что в роли возмущенных обличителей бюрократизма, канцелярщины, коррупции и пр. выступают как раз те профсоюзные работники, которые прежде всего должны были бы нести ответственность за современное состояние профдвижения. И это не только злополучные секретари ВЦСПС. На совещании ВЦСПС и МОСПС с активом и стахановцами очень решительно выступил Стривский, в свое время в порядке разгрома «правой оппозиции» в профсоюзах неожиданно ставший председателем Московского Совпрофа и отсюда перешедший в прошлом году на должность председателя ЦК союза рабочих тяжелого машиностроения. Сейчас это пламенный «демократ»:

«...Профсоюзная демократия это сейчас центральный вопрос. Рабочая демократия в профсоюзах часто не соблюдается. Ведь большинство председателей фабрич-

но-заводских комитетов «кооптированы». Об этом спокойно говорить нельзя.

Второй вопрос об отчетности перед избирателями. Годы заводские комитеты не отчитывались перед членами профсоюзов о своей работе, о расходовании средств» («Труд» от 23-го ноября).

От Стривского не отстают и Алексеев, многолетний председатель Ленинградского Совпрофа, кстати также попавший в профсоюзные вожди в порядке разгрома «правой оппозиции» в профсоюзах. Характеристика состояния профсоюзов в подчиненной Алексеву епархии действительно заслуживает внимания:

«...Канцелярщина и бюрократизм крепко засели в профсоюзах. Слаба у нас самокритика. Самым беспощадным образом мы нарушаем нашу профсоюзную демократию... Нарушение профдемократии стало у нас повседневным явлением. Выборность у нас «не в моде»: три года мы не переизбирали фабзавкомов. Среди освобожденных профсоюзных работников заводов им. Воровского, им. Карпова, ф-ки «Комсомолка» нет ни одного избранного, сплошь назначенцы. Большинство кооптированных работников мы имеем в завкомах заводов им. Сталина, им. Свердлова, ф-ки им. Володарского, «Красного Октября» и других предприятий.

Прямой пример нарушения демократии подают наши областные профсоюзные организации. Так, в президиуме обкома издательских работников нет ни одного выборного человека...

Общие собрания рабочих на большинстве предприятий не собираются совершенно, а на других созываются редко, нерегулярно, без всякой подготовки, без учета запросов рабочих...

Мы к нашему позору имеем за последнее время и рост растрат профсоюзных средств...

Плохо обстоит дело и с клубной работой. На клубы мы тратим огромные деньги и скверно используем их...

Мало мы занимаемся вопросами охраны труда. Хозяйственники грубо нарушают законы о труде, а в ВЦСПС систематически ведутся только разговоры о передаче котлонадзора хозяйственникам и о ликвидации предварительного надзора...» («Труд» от 27-го ноября).

Алексеев лишь приподнял уголок завесы, скрывающей крайне неприглядную картину современного состояния советского профдвижения. Но особенно угрожающий, симптоматический характер приобретает спокойный, как бы стабилизовавшийся, бытовой коррупционизм, который глубоко вкоренился в ряды звеньев нашей профсоюзной «системы». Верхушка профсоюзного чиновничества привыкает смотреть на профсоюзную должность, как на полузаконный источник всяких сверхсметных благ. Совсем недавно в газетах промелькнуло сообщение о систематических широких тратах из средств ЦК железнодорожников Юга «на благоустройство личной жизни руководителей ЦК и их любимых»: тут и многочисленные и тысячные экстренные денежные выдачи, и устройство квартир с дорогой обстановкой и мебелью, и тысячные расходы на покупку театральные билеты, и «литературные пайки» (по 300 рублей), и бесчисленные путевки в санатории и курорты и многое другое. Не отстают и ЦК союза шоферов Юга; тут та же картина («Труд» от 12-го ноября и 11-го декабря). А ведь это только небольшая частица почти случайно раскрытых злоупотреблений. Стоит напомнить и о многомиллионных хищениях во Всеукраинском Совпрофе, безнаказанно продолжавшихся несколько лет, совершенно случайно раскрытых около полугодика назад и до сих пор ждущих судебного освещения.

Сейчас положение это становится непереносимым. Усложняющееся внутреннее развитие Советского Союза вновь ставит в порядок дня проблему профдвижения. Повидимому, и в руководящих коммунистических кругах начинают смутно ощущать политическую и социальную опасность, которую таит в себе новейшее развитие в условиях общественной скванности рабочего класса. Отсюда эти новые попытки оживления профсоюз-

зов. Но находясь в плену у своего анти-демократического прошлого и сознательно или бессознательно подчиняясь давлению отнюдь не пролетарских, новых общественных сил, формирующихся на почве социально-экономической консолидации Советского Союза, вожди компартии неспособны вывести профдвижение на новый путь. В этом отношении очень поучительна только что развернувшаяся пред нами картина. Еще полгод назад Сталин призвал к себе секретарей ВЦСПС и... приказал им ввести «профдемократию». Но решимости хватило не надолго. И, конечно, с согласия Сталина, его майская беседа с руководителями ВЦСПС держалась до недавнего времени в строжайшей тайне. Сейчас она предана гласности и все вчерашние глушители профдемократии превратились в ее пламенных апологетов. Но рабочие массы по-прежнему обречены на молчание, и горе смельчаку, который решил бы на одном из многочисленных созываемых сейчас собраний профактива поставить в серьез вопрос о профдемократии и о

конкретных виновниках ее многолетнего зашумения. Характерно, что только почти на днях «Правда» (от 10-го декабря) вновь вспомнила Томского, чтобы — по явно искусственно конструированному поводу — еще раз уничтожить того, кто был подлинным вождем советского профдвижения в период его относительно блестящего расцвета. Пусть Томский многократно отрекся от себя. Но и политический труп его внушает страх вождям компартии, когда встает вопрос о возрождении профсоюзов.

Не в порядке закулисного сговора, не в порядке бюрократического шушукания, не в порядке спешного маскарадного переодевания вчерашних профбюрократов в сегодняшних профдемократов может быть разрешен кризис профдвижения. Выход из кризиса лишь в пробуждении подлинной, свободной, организованной активности рабочих масс. Иного не дано.

С. Шварц.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

КОНСЕРВАТИЗМ И ЛЕВАЯ ФРАЗА.

Уходящий 1935 год собирался сойти со сцены оптимистически настроенным «благополучником», прочно уверовавшим в то, что в Союзе укрепляются предпосылки для «нормального» хозяйственного развития страны на путях «з д о р о в о й» эволюции. И вдруг, под занавес, Стахановское движение как бы схватило за шиворот этот год и он, опасливо озираясь по сторонам, сконфуженно утарапливает шаги к выходу.

Задача экономистов показать, какие феномены обнаруживаются в ходе хозяйственного развития страны, которые вынуждают советских плановиков, опираясь «на инициативу снизу», зачеркивать ими же с таким трудом выработанные наброски и планы. Критик может показать только производные от этих феноменов в области художественной литературы и публицистики.

Стахановская стихия уже подбирается к «гранитным» берегам писательской общественности. Уже передовая «Литературной Газеты» (от 9-го декабря) громит «атмосферу некоей успокоенности, сытого добродушия, непререкаемой уверенности, что все в порядке», анонимно уничтожает произведения «мещан и пошляков», умудрившихся поставлять «откровенную клубничку» в упаковке «политически выдержанных лозунгов»; ЦК ВКП выносит специальное постановление о «н о в ы х з а д а ч а х л и т е р а т у р н о й к р и т и к и и б и б л и о г р а ф и и»; «Правда» заводит особую «литературную страницу», где поносит (и опять-таки анонимно!) халтурщиков за «лакировку действительности», «аллилуйское усердие», за «потoki патоки, слобренные социальной лезвием и ханжеством»; глухо гудят приводимые в действие спасительные «рычаги» нового нажима. Дозорные «службы связи» передают, запыхавшись, по всему необозримому фронту идеологии новый тревожный пароль: равнение налево!

Чтобы понять значение затеваемого левого поворота, нужно разобраться в существо назревшего общественного конфликта, ищущего своего выхода в новом курсе.

В течение свыше трех лет внутри писательской общественности происходила очень сложная перегруппировка и идеологическая кристаллизация ведущих писательских кадров с равнением на диктатуру (см. статью «Интеллигенция диктатуры», «С. В.» № 6/7,

1931 г.). В ходе этой перегруппировки произошел раскол основного ядра попутчиков на «союзников» и советских писателей 2-го разряда, а также разгром РАПРа. Большая часть «Рапповцев», выполнявшая в ней функцию «Троянского коня», очень скоро объединилась с «союзниками», меньшая — пролетарская часть — ушла в распыленную оппозицию. Так случилось, что в новом «ведущем» ядре советской литературе «новобуржуазный» Эренбург, кокетливая «европейка» Вера Инбер, Сельвинский и др. оказались диктатуре «ближе», чем Маяковский, а Мариэтта Шагинян с Ал. Толстым «ближе» Gladкова и Никифорова.

Но по мере экономических успехов генеральной линии, стали выявляться и мманентные ей социально-политические итоги развития. Поднявшийся из плебейских низин на более высокую социальную ступень, кристаллизующийся на наших глазах новый привилегированный слой потребовал новой тематики. И прежде всего этот слой, послушный законам психологии всякого развития, захотел иметь свой собственный портрет, который можно было бы не стыдиться повесить у себя на стенке. Здесь, в этой потребности иметь свой социальный портрет, лежит причина шумного успеха таких вещей, как «Я люблю» Авдеенко и «День второй» Эренбурга. Так случилось, что «ведущие» писатели, следуя зову своего «заказчика», переключились исподволь на новую тематику, слагаемыми которой являются: бытовой оптимизм, сентиментальное отношение к действительности, ни к чему не обязывающая, какая-то выхолощенная романтизация гражданской войны и советский патриотизм. Этот последний переливает всеми цветами радуги, начиная с «древнего юродства» — «на кой же чорт другие страны, кроме советской стороны» (П. Дружинин), сентиментально-умиленного — «до тебя, моя молодая, мы дошли, любя, голодая, слезы выплавав все до одной» (Б. Корнилов), — и кончая утонченными чувствами Б. Пастернака: «Ты куришься сквозь дым теорий, страна вне сплетен и клевет».

Исподволь из «санкюлотов» пятилетки эти ведущие писатели вместе со своими читателями стали превращаться в своеобразных советских консерваторов. Внутри советской общественности они образуют, если и не очень многочисленную, то очень влиятельную фракцию, которая имеет своих предста-

вителей во всех областях искусства и науки. На недавнем заседании Бюро ЦК ВЛКСМ, при обсуждении планов Детгиздата и «Молодой Гвардии» на 1936 год, видную роль играли Эренбург, Караваяева, Чуковский и др. Если бы их пригласили на это совещание на законных правах «дедушек», это было бы с полбеды, но, боюсь, по воле юных бюрократов, они выступали там, как выразители коммунистической молодежи!

Консерватизм имеет свою логику. Не вдаваясь сейчас в анализ всего сложного явления советского консерватизма — это особая, большая тема — необходимо все же заметить: никогда еще идеологии с упором на сохранение достигнутого не удавалось стать ведущей идеологией своего времени. Ей и на этот раз, в советских условиях, не удалось утвердить свое влияние в массах рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Она теряет подлинную молодежь, все чаще заполучая такую, от которой ее самое воротит, ибо представители этой молодежи слишком часто смахивают на бывших «белоподкладочников». Идеологи диктатуры не могли не заметить, что при всех «успехах» этой консервативной идеологии внутри советского театра, внутри писательской общественности и далеко за ее пределами прощупывается тяга к совсем другой идеологии. В новом романе Л. Леонова «Дорога на океан» старый актер Пахомов вспоминает поколение российских актеров, этих «коробейников великого искусства»: «в российскую глушь, где моральные нормы диктовали поп с исправником, мы тащили грузную колымагу с Шекспиром, Островским и другими святыми отцами мирового искусства... нужно было ежевечерне взрывать самому, чтобы потрясти эту нечеловеческую пустыню... Мы пахали эту страну наравне с сельскими учителями и безвестными агитаторами за правду», а нынче «у всех нас развилась дурная потребность нравиться начальству, а истинный успех приходит только снизу». И, обращаясь к артистке из этой многочисленной семьи карьеристов, он говорит: «А ты полагаешь, что от близости с большим начальством ты вырастешь в высоту? Только в толщину, милочка, только в толщину!»

Недавно поэтесса Адалис на страницах «Литературной Газеты» с возмущением рассказала, что при обсуждении причин «отставания литературы от жизни», нашли «чудаки или лицемеры», которые склонны обвинить неудачи писателей слишком уж большой и любвеобильной опекой со стороны государства. Эти «чудаки», говорит Адалис, даже пришли к такому невероятному выводу: «Ах, не производительнее-ли работал поэт на чердаках, не на пользу-ли ему нужда, холод, гонения?» Конечно, Адалис с негодованием отвергает эту «чушь», эту «изнанку самого гнусного богемского барства, барства нищих», она вовсе не собирается отказываться от даяний государства, но где-то, несмотря на все возмущение, и ее точит червь сомнения, не лежит-ли все-таки причина всех причин «в неправильности на сегодняшний день производственных отношений писателей с государством, со средой, друг с другом». Эх, несколько лет тому назад в повести «Скандалист или Вечера на Васильевском острове» Каверин формулировал эту мысль проще, грустнее и честней: «Никогда еще литература не стояла так близко к кассе. Она проходила перед кассой и говорила вполголоса»...

Но одно обстоятельство в начавшемся «левом» курсе в литературной политике настраивает на пессимистический лад: Дружно, в порядке выполнения нового задания сверху, лупят литературные бюрократы по башкам советских писателей и поэтов, выпуча глаза, грозятся «не посчитаться с именами», услышав, что

вождь вождей Сталин похвалил Маяковского, низвергают они молнии презрения на «бюрократических головопатов», которые при жизни не умели оценить этого поэта и после смерти — мало и скупо переиздают его. Подозрителен пыл этих бравых служаков, вчера еще хотевших обсюсюкать современность! Да, Маяковский при всех своих неровностях был большим и искренним поэтом бурной плебейской революции. И хорошо, что его — а не всех этих «Кудрейкиных с Митрейкиными» читают в рабочих клубах и в красноармейских казармах. У Маяковского есть чему позаимствоваться всякому, кому дорога революция!

Революционным поэтом, однако, делает Маяковского не то, что он воспевал революцию, а то, что он умел за нее бороться. Когда в период нэпа начали пыльным цветом распускаться коммунистические бюрократы и коммунистические мещане, он ринулся на борьбу с ними, не взирая на лица, даже если этим лицом был Анатолий Васильевич Луначарский. Очень кстати вспомнил в «Литературной Газете» (от 9-го декабря) А. Февральский о том, как на читке своей комедии «Клоп» Маяковский напал на бюрократов от критики. Они на него обиделись, что в комедии выведены только отрицательные персонажи и требовали смягчения характеристик складывающегося советского мещанства. По этому поводу Маяковский и разразился речью, в которой сказал: «У меня в пьесе человек, с треском отрывающийся от класса во имя личного блага... Дело не в вещах, а в отрыве от класса. Из бытового мещанства вытекает политическое мещанство. То, что мне предлагают внести в пьесу, — не мещанство, а контр-революция, это уже непосредственная классовая борьба. На эту тему надо писать 50.000 пьес».

Увы, эти «50.000 пьес» никогда написаны не были! Но еще хуже то, что те самые люди, которые сейчас громят советских писателей и критиков «за аллилуйское усердие», которые готовы после благосклонного жеста Сталина набальзамировать Маяковского и преклонить перед ним колени (мертвый лев, ведь, не укусит!), на протяжении всех лет генеральной линии систематически затирали писателей и публицистов, у которых есть столь нужная великому времени «честность глаза». Разоблачение приспособленцев, мещанства, перерождения в генеральную линию именно этими идеологами диктатуры и было снято с повестки дня на том основании, что на всех фронтах жизни мы, мол, присутствуем при «успешной перековке» «чуждых нам» элементов в «строителей социализма». Право на сомнение в общественной ценности этой стремительной «перековки» шельмовалось ими как «контр-революция», «меньшевизм» и «троцкизм». Не у многих писателей хватило тогда мужества сказать, как Пришвин, что «многие, даже не из среды которых вышло это слово, («перековка»), понимают его чисто по конно-народному: перековать подковы в обратную сторону и, оставя на пыльной дороге эти ложные следы, заманить на них людей, а самому удрать в противоположную сторону». В письме к Горькому (см. очерк Пришвина «Отцы и дети») писатель говорит ему: «Обратите внимание, как часто в нашей среде говорят с яловитой улыбкой уже и сейчас о том или ином литераторе: Ну, этот, кажется, совсем перековался, дальше итти некуда».

Для того, чтобы родилась, наконец, подлинная общественная критика, вовсе не нужно балльзамировать умерших революционеров слова и мысли, нужно внутри складывающегося общества бороться за живых, за преодоление режима диктатуры и высвобождение великих социальных и демократических устремлений трудящихся.

В. Александрова.

К международной дискуссии о войне

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИЗМ И ОПАСНОСТЬ ВОЙНЫ.

I.

Капитализм начал войну, пролетариат ее закончит! — под таким лозунгом вело свою анти-военную политику крайнее левое крыло международного социализма в эпоху мировой войны.

«Мир без победителей и побежденных» — таков был официальный лозунг циммервальдизма.

Увы! Войну закончил не пролетариат, и капиталистический мир, закончивший ее, увековечил, вопреки требованиям интернационалистов всех толков, разделение мира на побежденных и победителей. Система мирных договоров, разрешив в известной мере одни из проблем, раздиравших капиталистический мир до мировой войны, создала на их место ряд новых, неразрешенных, а частью и неразрешимых. Тем самым были порождены новые очаги конфликтов. В побежденных и обделенных странах даже в тех, где победила в 1918 году революция, была вызвана в народных массах жажда реванша, болезненное развитие национализма и шовинизма, стремление к восстановлению милитаристского аппарата, разбитого в войне не восстанием победоносного пролетариата, а антантовской коалицией.

В таком положении оказались прежде всего страны Центральной Европы, могущественные некогда военные империи, для которых самая война 1914-18 гг. была попыткой добиться перераспределения мира, вырвать военно-политическую и колониальную гегемонию из рук Англии и Франции, и обеспечить своему относительно молодому и бурно развивающемуся капитализму «место под солнцем». Этого пердела добиться не удалось. Наоборот, дерзкие кандидаты на мировое господство оказались разбитыми на голову и низведены до роли трехстепенных, мелких, безоружных государств, осужденных на то, чтобы в течение десятилетий владычье существование жалких данников держав-победительниц. Но за время войны и в особенности в послевоенную эпоху подвергся огромным изменениям тот самый капиталистический мир, который германо-австрийская коалиция пыталась подвергнуть перделу.

II.

Новые страны и континенты были втянуты в орбиту капиталистического цикла и развили у себя собственную капиталистическую индустрию. На берегах Индийского и Тихого океана, в Австралии и Южной Америке, в странах, которые раньше были покорными рынками европейского капитализма, возникли собственные полнокровные центры промышленного капитализма. На Дальнем Востоке доминирующая военная сила — Япония стала все больше и больше превращаться в господствующую промышленную страну, не только политически, но и экономически все больше вытесняющую из всего юго-востока азиатского мира страны европейско-американского капитализма и готовящуюся превратить в свой монополизированный рынок гигантскую Китайскую империю, в муках бесконечных гражданских войн переживающую свою национальную революцию. Для капитализма мир есть рынок, и этот рынок в послевоенную эпоху все больше и больше суживается для центров старого капитализма, тем более, что и внутри этого старого капитализма центр тяжести за время войны и после нее сильно передвинулся в сторону более молодой Американской республики.

После короткого периода небывалого расцвета и подъема, вызванного разрушениями и потрясениями мировой войны и ознаменовавшегося небывалым ростом производительных сил, — европейско-американский капитализм на долгие годы попал в тиски безвыходного противоречия между гигантским ростом производительных возможностей и неспособностью эти возможности длительно использовать. Капиталистический мир с особенной силой его наиболее слабые участки — национально разбитые в войне «побежденные» страны — попали в полосу тягчайшего кризиса неслыханной длительности и интенсивности. Миллионы хронических безработных, беспрерывно создаваемых техническим прогрессом и рационализацией на капиталистической основе и не рассасываемых даже в период относительного подъема; разорение средних классов без перспектив перехода их членов хотя бы на положение занятого в промышленности пролетария; беспросветное перепроизводство интеллигентских профессий, — все это разрушение экономических и социальных устоев, характерное для послевоенного капитализма, создало в широких массах населения — наряду со смутными анти-капита-

листическими стремлениями, настроение отчаяния, политической апатии и обостренного экономического национализма. Ибо сужение мирового рынка и общее застойное состояние хозяйства в странах старого капитализма автоматически толкает отдельные страны к самозамыканию и делает автаркию линией наименьшего сопротивления. Разоряющиеся отрасли хозяйства вынуждены искать спасения в поддержке государственной власти, в вытеснении, при помощи «своего» производителя, иностранной конкуренции из доступного еще рынка. Всякое экономическое улучшение одной страны покупается за счет других государств, и это в конце концов приводит к разрушению мирового хозяйства.

Этот экономический национализм, характерный в особенности для европейских государств, вступает в своеобразное сочетание с национализмом политическим и милитаризмом в тех странах, в которых настроение обостренного национализма создалось всей обстановкой мирных договоров. На основе острой нужды, кризиса и социального распада этот всесторонний рост национализма создает благоприятную почву для фашистской демагогии, а одновременно с этим и для нового вида «народного» послевоенного империализма, охватывающего уже не только верхушки капиталистических групп, как это было в период до войны, в конце 19-го и в начале 20-го века, но и более широкие массы разоряющихся средних слоев, интеллигенции и частью даже рабочего класса. Выхода из экономического тупика, в который попал послевоенный капитализм, начинают искать не только в перераспределении источников сырья (колонии), в основном поделенных уже до мировой войны, но прежде всего в насильственной монополизации и колонизации более отсталых в промышленном отношении, но располагающих богатыми естественными ресурсами или недостаточно населенными территориями соседей.

III.

В этом развитии таится серьезная опасность войн и военных столкновений, опасность в крайней степени обостряющаяся после того, как фашистско-милитаристские и империалистические тенденции победили в ряде стран, прежде всего в Германии, самой крупной индустриальной стране европейского континента. Создание в этих странах тоталитарного военно-диктаторского режима, всю мощь современного государства обратившего на вначале тайное, а потом и открытое вооружение и на разжигание самого крайнего и агрессивного национализма и милитаризма в широких массах населения, довело до крайней степени все опасные стороны указанного развития и поставило в порядок дня мировой политики опасность войны, уже не только как возможную тенденцию, а как совершенно актуальную и конкретную угрозу. Эта опасность еще усугубляется внутренней логикой фашизма, необходимостью для него оправдать свое существование национально-военными победами, стремлением, свойственным всем диктаторским режимам — крайнее обострение внутренних антагонизмов затушевать внешними империалистическими столкновениями.

Два основных фокуса военной опасности отчетливо намечаются в современном капиталистическом мире: Япония — страна самого бурного и агрессивного капитализма на побережье Тихого океана; Германия — страна самой мощной, но лишенной возможности экспансии индустрии в самом сердце Европы. И эти очаги военной опасности не только все больше определяют основную линию поведения «великих держав»-победительниц на всех остальных, второстепенных участках*), но и парализуют и делают все более невозможным то развитие в сторону разоружения и коллективного обеспечения мира, которое началось было в эпоху предшествовавшую наступлению последнего кризиса.

IV.

Между тем, это развитие было единственным шансом для послевоенного мира со всеми его внутренними противоречиями избежать повторения мировой войны в еще более ги-

*) Ярким доказательством тому может служить поведение Англии и Франции в абиссинско-итальянской войне. Вся политика Франции по отношению к Италии объясняется не просто фашистскими симпатиями французского премьера, а учетом будущей роли Италии по отношению к Германии, Австрии и всему комплексу вопросов, связанных с завоевательными и реваншистскими планами гитлеризма.

гантском и ужасном размахе. Отлично понимая, что стремление к предотвращению войны путем создания Лиги Наций и всей системы связанных с нею пактов, договоров о «коллективной безопасности» и т. п. диктуются в первую очередь эгоистическими интересами так наз. «держав-победительниц», заинтересованных в сохранении статус кво, рабочий класс, однако, до последнего момента поддерживал все, какими угодно мотивами продиктованные стремления к предотвращению войны и сохранению мира. Мало того, считаясь с тем, что в условиях капиталистического общества реальная сила является большей гарантией, чем любые договоры, социалистические партии, в особенности с момента прихода к власти Гитлера, не возражали и против создания системы региональных пактов и коалиций, имевших целью — агрессивным намерениям Германии противопоставить столь мощный блок, чтобы всякий шанс на победу заранее исключался для нападающей стороны. Такой блок, однако, до сих пор еще не удалось создать, несмотря на перемену, происшедшую в политике советского правительства и сделавшую возможным вхождение Советской России в Лигу Наций и в систему договоров о коллективной безопасности. Опасность войны, таким образом, стоит как реальная угроза, и сколько бы весь пролетариат без исключения ни считал основной своей задачей предотвращение войны, и сколько бы усилий и энергии рабочие партии всего мира ни отдавали делу защиты мира, — нельзя закрывать глаза на то, что в некий роковой момент человечество **может быть** поставлено перед войной и ее самой ужасной и универсальной форме.

Но если так, тогда естественно, что нарастание военных тенденций и вновь начавшаяся «скачка вооружений», которую при данном соотношении сил уже нельзя будет приостановить никакими конференциями и пактами, вызывают законную тревогу как раз в рядах тех, кому особенно ненавистна война и кто особенно заинтересован в сохранении мира.

Война, при современном состоянии техники и при ее неизбежной универсальности, представляет собою такую катастрофу для всего человечества, такое массовое уничтожение человеческих жизней, такое разрушение всех экономических и культурных ценностей, что воображение отказывается конкретно представить себе все последствия этой всемирной катастрофы. Можно ли при этих условиях представить себе социалистическую партию, сознательно включающую в свою тактику войну, как метод борьбы за социализм или против фашизма? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы с ужасом отвернуться от этого представления. Но при всем том нельзя устранить другой вопрос: какова будет тактика рабочей партии, **если** война эта — против воли пролетариата и вопреки его отчаянной борьбе за мир! — будет все же навязана человечеству преступной политикой империализма и фашизма?

Можно считать с полным основанием, — что основной и главной задачей социалистического пролетариата является борьба за предотвращение войны. Но можно ли еще успокаивать себя мыслью, что эта задача обязательно увенчается успехом? Можно ли теперь иметь хоть малейшую уверенность, что военный исход является невозможным?

Но в таком случае социалистический пролетариат мира должен отдать себе ясный отчет в том, какова же будет его позиция и его задача в момент, когда катастрофа разразится.

V.

Леон Блюм был совершенно прав, когда в своих статьях в «Попюлер» указывал на то, что сейчас совершенно невозможно предвидеть те **конкретные** условия, в которых война разразится. Но и Блюм не сможет не согласиться с тем, что очаги военной опасности определяются совершенно однозначно (мы их указали выше и если с **этой** стороны не будет нападения, то войну вообще можно считать невероятной), а число возможных сочетаний, в которых может выступить военная коалиция Японии и Германии вряд ли уж так велико. Будет ли в центре объединенного нападения Японии и Германии стоять, как это можно считать наиболее вероятным, Советская Россия, победит ли, наоборот, в германском империализме «западная ориентация», — это не меняет тех основ международной пролетарской политики, которая диктуется международному рабочему классу в случае войны *).

*) Я вижу основной недостаток тезисов Бауэра-Дана-Дюнуа-Жиромского в том, что они сосредоточили все свое внимание на одном только варианте, на том, когда в центре нападения окажется Советский Союз. Эта постановка вопроса «удобнее» в том смысле, что при ее помощи легче объяснить массам, в особенности лево-настроенным, ту оборонческую позицию, которую, как мы увидим ниже, пролетариат должен будет занять в странах анти-фашистской коалиции. Но оставив в стороне второй, возможный, вариант — столкновение

Будущая война будет отличаться от войны 1914-18 гг. прежде всего тем, что на одной стороне — и эта сторона явно будет нападающей! — будет стоять фашистская Германия — самый яркий и опасный враг демократии и социализма, страна, победа которой будет означать фашизацию мира, закабаление всех побежденных народов под железной пятой самого хищнического и беспощадного милитаризма, искоренение и подавление всего, что имеется демократического и социалистического во всем мире. В эпоху мировой войны германский «социалпатриотизм» пытался изобразить в виде такого «абсолютного зла», по сравнению с которым всякий другой режим является прогрессивным, царское самодержавие. Но эта конструкция была искусственной. Как ни реакционер был царизм Николая II к 1914 г. и как ни печальна была бы, напр., участь завоеванных Россией галицийских или других провинций Австрии, все же не Россия была доминирующей и определяющей силой в Антанте, и не ее идеология, интересы или принципы управления определили бы судьбу мира даже в том случае, если бы царизм не пал в 1917 г., и послы Николая II принимали участие в Версальской конференции. (Мы не говорим уже о том, что вообще более чем сомнительно, способен ли был бы русский царизм 1918 г., глубоко потрясенный внутренними противоречиями и войной, хоть сколько-нибудь играть роль, европейского жандарма *). Совсем иное дело сейчас, когда во главе коалиции, развязывающей войну в Европе и во всем мире, будет стоять Германия. Достаточно представить себе победу Германии, распространение методов существующего гитлеризма с его тоталитарным режимом, с его Гестапо и расовыми теориями на всю Европу, для того чтобы уяснить себе, какие перспективы ожидают в этом случае на целые десятилетия и поколения европейский пролетариат и рабочее движение во всем мире.

Этим определяется в основном и тактика международного пролетариата по отношению к тем двум коалициям, которые будут выступать в грядущей мировой войне: поражение одной и победа другой являются неизбежными предпосылками для спасения тех остатков социализма и культуры, которые еще уцелеют после мировой катастрофы.

VI.

Отсюда ясно, что именно в интересах интернационального тактического единства необходимы две различные тактики по отношению к странам, входящим в ту или иную коалицию: в Германии и в связанных с нею странах пролетариат должен будет стоять на пораженческой точке зрения, стремясь в первый возможный момент поднять знамя восстания против порабоощающего народ режима фашизма. Этим германский революционный пролетариат будет содействовать не только своему собственному освобождению, но и освобождению всей Европы и всего мира от кошмара фашизма. Но те же принципы борьбы против фашизма, то же стремление во что бы то ни стало воспрепятствовать победе жесточайшего и злейшего врага всемирного пролетариата, диктуют пролетариату в странах анти-фашистской коалиции тактику, направленную к усилению обороноспособности этих стран, линию поведения, которую можно было бы условно назвать «антифашистским оборончеством».

Нет сомнения, что эта тактика по **внешности** как-бы противоречит той, которую мы, циммервальдцы, рекомендовали международному пролетариату в войне 1914-18 гг. Но только по **внешности**. По существу это есть логическое продолжение той же самой тактики, той же самой линии, которую проводил в свое время Циммервальд.

В противоположность тогдашним «оборонцам» Циммервальд отвергал разделение воевавших тогда коалиций на «Ормуздов» и «Ариманов», на носителей света и тьмы. **Обе** коалиции представляли тогда, собою сочетание капиталистических и империалистических держав, отличавшихся друг от друга политически лишь в очень условной и относительной степени. И Циммервальд, отказываясь дать предпочтение одной из борющихся коалиций, логически отвергал и оборончество и разные мерил исторического прогресса для обеих сторон. Он стремился к «миру без победителей и без побежденных», т. е. в основных чертах (с поправками на «самоопределение национальностей») к сохранению статус кво. Бук-

между гитлеровской Германией и странами капиталистической демократии, авторы тезисов чрезмерно облегчили и упростили свою задачу, уклонившись от ответа на тот принципиально самый важный вопрос: какой-же тактики пролетариат должен будет держаться в этих странах не-фашистского капитализма в случае войны, если Россия почему-либо останется в стороне?

*) Столь же мало-обоснованной была — несмотря на долю истины — и противоположная конструкция о германском «кайзеризме», как враге человечества.

вальное повторение этих лозунгов в применении к грядущей войне привело бы социалистов в резкое противоречие к духу Циммервальда, к его историческим стремлениям и перспективам. Мы теперь не хотим — если война разразится! — ни статус кво, ни мира на основе сохранения и неприкосновенности гитлеризма.

Но было бы неправильно сказать, что задачи, которые международный пролетариат будет ставить себе в ходе войны, в особенности по мере приближения ее к концу, будут исчерпываться одним только устремлением нанести как можно более сильный удар фашизму и как можно более эффективно защитить страны, подвергшиеся его нападению. Эти страны, о которых мы говорим, страны демократического и либерального капитализма, представляют собою, по сравнению с гитлеризмом, безусловно прогрессивные явления, подлежащие защите и обороне даже с точки зрения социалистического пролетариата. Но прогрессивность этих стран лишь относительная, а не абсолютная. Как показал ход прошлой войны, и что безусловно проявится в будущей войне с удесстеренной силой, — ведение войны и военного хозяйства связано даже в случае победы с такими страданиями для народных масс и сопровождается таким обострением всех социальных противоречий, что в порядок дня, даже помимо воли социалистических партий, с огромной силой и обнаженностью, будет поставлен вопрос о самом социальном порядке, о бессмысленности и внутренней противоречивости господствующей капиталистической системы, порождающей фашизм и войны, о необходимости каких-то больших и радикальных реформ всей жизни, которые предотвратили бы в будущем повторение подобных «космических» катастроф. Немыслимо себе представить, чтобы разбуженные войной, созревшие в огне нечеловеческих страданий и лишений народные массы Европы согласились после окончания гигантского кровопролития вернуться к социальному статус кво, начать сначала «сказку про белого бычка», с новыми мирными договорами а ля Версаль, с новым возрождением разрушенного хозяйства на началах капитализма, и с новой перспективой — в результате неизбежного экономического кризиса — вернуться к повторению событий 1930-35 гг. Это немыслимо себе представить и психологически и с точки зрения интересов пролетариата. Совершенно неизбежно, чтобы окончание войны или даже места самое ее ведение было связано с глубокими социальными преобразованиями на некапиталистических началах. Другими словами, поскольку человечество вообще не погибнет в развязанной фашизмом мировой катастрофе, ближайшая мировая война будет обозначать — слишком дорого купленный! — перелом в истории человечества, наступление в той или иной форме эры социалистического хозяйства.

VII.

Эта перспектива определяет собою, наряду с непосредственными потребностями анти-фашистской обороны, основные линии международной пролетарской политики. Стремясь к поражению фашизма, занимая «оборонческую» позицию в странах анти-фашистской коалиции, социалистические партии в то же самое время будут и свое поражение в одних странах, и свое оборончество в других связывать с борьбой за власть, со стремлением к осуществлению социализма, который один только способен спасти будущее человечество от повторения подобных катастроф. Но если поражение (для Германии и стран фашистской коалиции) подсказывается и политическим разумом и стихийным чувством для всех анти-фашистски настроенных пролетариев, то не превратятся ли и оборончество в странах анти-фашистской коалиции в самую вульгарную политику «бургфридена»? Такая опасность безусловно существует. Во время мировой войны, а в особенности в послевоенную эпоху в целом ряде европейских стран в необычайной степени возросло политическое влияние и удельный вес рабочего класса во всей политической и общественной жизни. Торжество политической демократии и начал социального законодательства в большинстве стран создали предпосылки для такого роста внутренней связи между рабочим классом и современным демократическим государством, и вместе с тем для такого усиления национальных чувств в его среде, о котором не могло быть и речи в довоенных государствах Европы. Рабочие партии везде превратились в массовые миллионные организации, концентрирующие вокруг себя широкие слои народа и местами приближающиеся к 40 и 50% всего населения. Само собой разумеется, что для таких партий, в особенности в странах, где пролетариат или имеет уже в своих руках значительную долю государственной власти или надеется ее получить на основе демократии в ближайшем будущем, проблема обороны страны и объективно и субъективно стоит совершенно иначе, чем для тех сравнительно небольших агитационно-пропагандистских организаций, которыми являлись многие социалистические партии до 1914 г. Рост националь-

ных и «государственных» настроений чрезвычайно характерен для рабочего движения (профессионального и политического) в большинстве демократических стран в послевоенную эпоху. В сочетании с анти-фашистским оборончеством, которое будет естественной тактикой широчайших пролетарских масс в момент фашистского нападения, это настроение, в особенности в первый момент, может создать благоприятную почву для стихийного «бургфридена». В некоторых небольших странах со своеобразным соотношением сил (напр., в Скандинавских странах или Чехословакии) это состояние вероятно превратится в длительное, на все время войны. Но в крупных и решающих капиталистических государствах нарастание социальных противоречий и все то внутреннее развитие, которое мы уже знаем на опыте прошлой мировой войны, довольно быстро высвободит рабочие массы из-под власти некритического настроения «бургфридена». Очень грудная сама по себе «двуединная» тактика социалистических партий, вынужденных сочетать оборону против фашизма с борьбой за власть, а следовательно и с сохранением самостоятельности своей тактики, будет чрезвычайно затруднена в начале войны, но она будет становиться все доступнее широким массам по мере продолжения войны.

VIII.

Наиболее вероятным вариантом будущей войны будет, насколько можно вообще предвидеть подобные вещи, тот, при котором в числе анти-фашистской коалиции, и вероятнее всего, как основная жертва, намеченная фашизмом Гитлера и Японией, будет Советская Россия. Какова должна быть тактика международного социализма, и в первую очередь русских социалистов, по отношению к защите этой страны? О том, что Сов. Россию необходимо оборонять против фашистского наступления, нет спора. Но в какой форме? Тезисы «четырех», в основном отражающие позицию О. Бауэра, хорошо известную нашим читателям, опять-таки очень облегчают и упрощают себе задачу, изображая Россию как страну строящегося социализма, которая в процессе своего внутреннего развития и экономического преуспеяния под руководством нынешней-же диктатуры реорганизуется на началах пролетарской демократии. В соответствии с этим в упрощенных и потому неверных тонах изображается и военная ситуация: Германия, как неоспоримый гегемон фашистской коалиции; Сов. Союз, как таковой же гегемон, идеологически, политически, экономически и в военном отношении все больше определяющий характер коалиции анти-фашистской. (Эта концепция в своей крайней форме нашла выражение в статье тов. А. Шифрина в ноябрьской книжке «Кампф»). Что Германия будет во всех смыслах гегемоном европейской части фашистской коалиции, это не подлежит сомнению. Но совершенно утопично представление, будто Сов. Россия будет в состоянии играть определяющую роль в коалиции, в которой будут принимать участие Франция, Англия, ряд других демократических государств и, может быть, Соел. Штаты Америки. И в экономическом, и в военном отношении ближайшая война, если она будет сколько-нибудь длительной (а разве мыслима сейчас иная мировая война?) в трагической степени выявит все слабые стороны и недочеты в техническом, экономическом и социальном строе современной русской диктатуры, сейчас прикрытые рекламой, а может быть и искренним «головокружением от успехов» (Это головокружение наблюдается, к сожалению, и у некоторых социалистов). С необычайной и опасной силой скажутся тогда все грехи и преступления, совершенные за все эти годы большевистским терроризмом, прежде всего по отношению к русскому крестьянству. И если можно еще с некоторым основанием отстаивать тезис, что до войны «время работает» на Россию, эту страну неограниченных естественных богатств и гигантского, разбуженного революцией населения, и против Германии, задыхающейся в своем «геополитическом пространстве» и в тисках диктатуры, то с момента наступления войны будет действовать скорее обратный закон: Германия с ее гигантской промышленностью и непревзойденными резервами техники и квалификации именно в момент войны сможет с полной силой развить свой несравнимый и потрясающий «потенциал войны». Подхлестываемые национальной истерикой и отчаянием безысходности, массы населения, кроме, конечно, революционно-настроенного авангарда пролетариата, всей мощью своей дисциплины и жертвенности, которую мы так хорошо знаем из войны 1914-18 годов, будут поддерживать войну Гитлера за «спасение Германии». Иное дело Россия: накопленный там сейчас ценой величайшего напряжения и неисчислимых человеческих жертв экономический, технический и военный «кулак», который на короткий период придаст немало блеска советскому оружию, будет очень скоро израсходован, и тогда окажется, что тоненькая по сравнению с гигантскими размерами страны пролойка промышленной и технической квалификации, приоб-

ретенная страной за последние годы, вряд ли окажется в силах гарантировать скорое и полное воспроизводство и поспевать за темпом того гигантского роста благ, который является современной войной. И тогда Сов. Россия из гегемона, диктующего союзникам «закон своего действия», довольно быстро превратится в скромного просителя со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но моральная сила русской революции? Нет сомнения, обаяние революционной страны будет сказываться тем больше, чем более во всех других странах будет назревать неизбежный перелом. Но даже для революционно-настроенного пролетариата демократических стран советская террористическая диктатура никогда не явится идеалом, достойным всеобщей любви и некритического подражания. Ее можно любить только, «закрывая глаза и затыкая нос», с ней невозможно полная и безоговорочная солидаризация. Поэтому, не только с точки зрения внутренней обороноспособности России и предотвращения бонапартистского исхода, столь вероятного в каждой войне, но и с точки зрения международно-революционного влияния России, ее оборона обязательна и для международного пролетариата, и прежде всего, для русских социалистов, даже противников большевизма, должна быть непременно связана с продолжением борьбы за **политические преобразования**. Только этим путем можно обеспечить действительную защиту России и революции от фашистского нападения.

Р. Абрамович.

ВОЙНА И СОЦИАЛИСТЫ РОССИИ.

Еще войны нет, — только призрак ее тускло маячит на горизонте. А в левом секторе социализма уже идет и крепнет процесс генерального межевания. Из архивов последней войны извлечен на свет божий весь арсенал словечек и жупелов. Трижды заклеенный «бургфриден», — синоним «социал-предательства», — заблаговременно предается анафеме. Напех формируются течения и направления, оттенки и уклоны. Мелькают старые этикетки: оборонцы, пораженцы, интернационалисты. Есть группы и подгруппы. С легкой руки нашей февральской революции имеются и обыкновенные оборонцы, и оборонцы революционные. К ним добавились уже и оборонцы социалистические. Есть и пораженцы разных видов: только для стран фашизма и полуфашизма, а — порой — и для всех стран капиталистического мира. Проблемы войны переплетаются с проблемами революции, — революции русской в ее сталинско-большевистской ипостаси и революции мировой, социалистической, развязываемой войной. Сшибаются в схватках идеологи, скрещиваются шпаги в теоретических изысканиях и тактических построениях. «В столицах шум, гремят витии, кипит словесная война». Идет перманентная дискуссия, в которой хочешь-не хочешь надо принять участие. И надо признаться, что в литературе предмета задача определения тактики социалистов во время войны заметно вытесняет другую задачу, гораздо более насущную: задачу предупреждения войны, задачу борьбы за мир. Если не социалисты, однако, то кто-же возьмет на себя эту задачу? Если не сейчас, то когда же? Неужели можно передоверить ее «империалистам» Женевы?..

Известные «тезисы» Бауэра-Дана-Жиромского, явившиеся непосредственным сигналом к дискуссии последнего времени на тему «Интернационал и война», хотя и отводят видное место рассуждениям о необходимости предотвратить войну и сохранить мир, — но по всему внутреннему своему содержанию проникнуты задачей установить общую линию поведения для социалистов во время войны. Эта общая линия намеченная в терминах и методах, в общем воскрешающих традицию циммервальдизма войны 1914-18 гг., уже сейчас овеяна чрезвычайно активным, в сущности, батальным духом. В этой концепции пацифистские идеи борьбы за мир звучат либеральной ламентацией, данью какому-то «буржуазному предрассудку», — данью, которую порок платит добродетели. И это вполне понятно, если вспомнить, что центральной идеей «тезисов» таится не в отпоре Германии, пытающейся планами разгрома и захвата чужой территории укрепить диктатуру фашизма, и не в обороне стран демократии или Сов. России, поскольку они подвергнутся нападению. Эти политические идеи, можно сказать, настолько элементарно-общие социалистическому и демократическому сознанию, в них настолько нет специфических черт радикальной левизны, — что с их помощью можно было бы не разделять социалистов, а объединить. Между тем вся психологическая атмосфера «тезисов» заострена на задаче «размежевания» внутри социалистического фронта.

В чем же заключается душа «тезисов» и почему она фактически снимает пацифистские задачи с порядка дня? Потому что Бауэр-Дан-Жиромский связывают с возможной войной

Через контору

„Социалистического Вестника“

можно приобрести

старые русские революцион. и социалистические

**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, вышедшие легально в гг. 1905—1907, 1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, вышедшие за-границей для пропаганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина, Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском, грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться :

“LE COURRIER SOCIALISTE”

141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)

такие яркие перспективы и такие блестящие надежды для человечества, для трудящихся, — что в сравнении с ними, действительно, меркнет задача борьбы за мир теми слабыми средствами, которые имеются в наличии. Если новая мировая война, раз вспыхнув, должна превратиться в мировую революцию, то, действительно, к чему авторам «тезисов» консервировать прозаические, пацифистские, либерально-демократические идеи? Уже больше не приходится в страхе говорить о гибели цивилизации и культуры в случае войны, — а напротив, нужно принять и благословить войну, несущую весть о желанной гибели капитализма. Как феникс из пепла, возникла в рядах социалистов ориентация на войну, из которой неизбежно должна родиться революция. Война создает революционную конъюнктуру, — говорят они. — Войну нужно использовать и углубить для захвата власти, для осуществления социализма. Империалистическую войну нужно превратить в гражданскую войну. Нужно превратить ее в революционную, пропагандистскую войну. «С кого они потреты пишут, где разговоры эти слышат?» — хочется спросить авторов «тезисов» словами поэта, — в связи с рецидивом бывлой коммунистической идеологии в социалистических рядах.

Тень Циммервальда почует на Бауэре-Дане-Жиромском. Но не тень «циммервальдской правой», к которой примыкали Гаазе-Лонгэ-Мартов, стремившиеся скорее кончить войну, без победителей и побежденных, без аннексий и контрибуций. Нет, тень Ленина витает над военно-революционной стратегией Бауэра-Дана, — тень «левой циммервальдской», которая, между прочим, по замечанию Радека, готова «разговаривать с правой циммервальдской языком пушек». Опыт Ленина, проведенный в пределах одной России, предполагается теперь провести в мировом масштабе. В свете этого героического плана отражение германского фашизма, защита Франции или Чехословакии, — вообще все оборончество авторов «тезисов» представляется только деталью тактики,

одним из этапов стратегии. Более того, если в ходе войны заранее предвидится совершение социальной революции и в обороняющихся демократических странах, — то не рискует ли превратиться не в теории, а уже на практике, — такое оборончество в поражечество? И не только по отношению к Франции, но даже в отношении Сов. России, — оборона которой, как страны восходящего социализма, стоит в центре всех надежд на развязывание мировой революции, — не окажется ли попытка устроить переворот, напр., во Франции во время войны — медвежьей услугой Сов. Союзу?

Нельзя не заметить, что во всей этой схеме Сов. Россия играет поистине роковую роль. Не случайно авторами «тезисов» взят тот вариант возможной войны, в которой Сов. России отводится место главного противника фашизма. Ну, а если Сов. Россия не будет в числе драки, и ореол ее революционности и социалистичности не осветит этой войны? Если нападению подвергнется Чехословакия, Австрия, Прибалтика? Если нейтралитет Бельгии, Швейцарии, Голландии будет превращен в клочок бумаги? Если Франция окажется под ударом или Англия подвергнется воздушному налету? О том, что «вариант» выбран искусственно (если не умышленно) уже писали Л. Блюм, П. Гарви, Ф. Адлер. Но он оказался совершенно необходимым для авторов «тезисов», потому что вся их ориентация на войну питается главным образом иллюзиями в отношении социализма, который Сталин насаждает в России. Отсюда «безусловная и безоговорочная» поддержка обороны Сов. России, — в сущности, даже тогда, когда у авторов «тезисов» кошки скребут на сердце не только от террористических излишеств советской диктатуры, но и от всей внешней политики Сталина, в которой трудно найти опору для теории превращения империалистической войны в гражданскую. Боюсь, что Сталин не раз еще разочарует тех социалистов, которые сейчас отрекаются от пацифистской политики...

От критических замечаний по адресу «тезисов» хочется перейти к намечке другой линии поведения, свободной от влияния эсхатологического мифа о предстоящей гибели капитализма и предстоящем в результате войны торжестве социализма. За отсутствием места приходится удовольствоваться только несколькими замечаниями.

Прежде всего о мерах борьбы за мир. Если исходить из того, что большинство социалистических партий в мире не разделяют надежд авторов «тезисов» на мировую войну и в основе своей остаются главной опорой пацифистского движения в мире, — то задача борьбы за мир сведется только к одному: к поддержке всех намеченных современным сознанием форм международного сотрудничества. РСИ и отдельные партии должны признать положительными усилия Лиги Наций, — при всем несовершенстве ее характера и деятельности, — воспрепятствовать превращению конфликтов национального, территориального или экономического порядка в войну. Критика Лиги Наций как и методов современной дипломатии, законная и естественная со стороны социалистических партий, тем более, поскольку они сами не участвуют во власти и не несут ответственности за всю политику своих правительств, не освобождает их однако от необходимости признать это положительное значение Лиги Наций, как и ряда конкретных шагов ее на международной арене, которые служат делу сохранения мира. Стремление заложить основы системы коллективной безопасности и тем создать условия для успешной изоляции (при помощи «санкций», блокады и пр.) всякой нападающей страны, является наиболее действительным средством предотвращения войны в момент, когда после победы фашизма в Германии потерпели крах планы и проекты всеобщего разоружения.

Наряду с содействием активизации политики отдельных стран и Лиги Наций, направленной к преодолению военной опасности, соц. партии должны попрежнему стремиться оказать всяческую поддержку делу борьбы за мир и специфически-пролетарскими акциями международной солидарности, поскольку такие акции являются необходимыми и возможными.

Чем грознее опасность войны, повсюду взращивающей и насаждающей в общественно-политической жизни семена авантюризма, милитаризма, авторитарности, угрожающей повсюду вытеснить диктатурой, террором и произволом элементы демократии, свободы и права, тем активнее должна быть деятельность отдельных соц. партий и всего РСИ, проникнутая одним стремлением: во что бы то ни стало сохранить мир.

Если бы, однако, все усилия оказались тщетными и вспыхнула война, европейская, мировая, охватывающая своим огненным кругом одну страну за другой, — создалась бы совершенно новая ситуация, которую предусмотреть сейчас невозможно.

Задача борьбы за предотвращение войны не может

быть снята с очереди под влиянием теоретических воззрений, исходящих из признания, что при капиталистической системе хозяйства войны являются фатально неизбежными. Этими воззрениями могут руководиться в своей пропаганде против капиталистического гнета радикально настроенные идеологи, но даже их эти воззрения не освобождают от обязанности стремиться во что бы то ни стало и в рамках капитализма к предотвращению войны. Напротив, именно соц. партии, свободные от пут капиталистической идеологии, должны в целях предотвращения войны усиленно разрабатывать и пропагандировать планы мирного разрешения спорных вопросов национального, территориального и экономического порядка, и настаивать на том, чтобы на основе Лиги Наций и методами международного сотрудничества была произведена ревизия устарелых договоров, были пересмотрены и урегулированы вопросы перераспределения колоний, рынков сбыта, источников сырья, вопросы эмиграции и пр.

В применении к конкретному случаю возникновения европейской войны (я беру вариант «тезисов» Бауэра-Дана), войны, в которой на одной стороне участвуют Германия и, вероятно, Япония, а на другой — коалиция: Англия, Франция, Чехословакия в союзе с СССР, — РСИ и все социалистические партии могут со всей определенностью призвать пролетарские массы к поддержке коалиции Англии-Франции-Чехословакия-СССР, к поддержке обороны этих стран.

Не подлежит сомнению, что в таком конфликте нападающей стороной явится Германия-Япония. А империалистической экспансии нападающих стран, стремящихся удовлетворить свои притязания методами войны за счет кровавого разгрома и захвата чужих территорий, естественно должен быть дан отпор. Не последним аргументом является и тот момент, что победа над фашистской Германией должна привести к ликвидации этого режима террористической диктатуры и мракобесия и к освобождению народных масс Германии от националистического гипноза, несущего с собою и в дальнейшем угрозу повторения войны. Если исходить из того, что коалиция демократических стран плюс СССР ведет эту войну в интересах самозащиты, обороняясь от нападения, не ставя себе в войне никаких завоевательных целей, стремясь к скорейшему окончанию войны и к укреплению значения и авторитета Лиги Наций, как основы коллективной безопасности и сохранения мира, — то РСИ может рекомендовать входящим в него соц. партиям оказывать активную поддержку обороне страны, подвергшейся нападению, и в целях активирования обороны, контролирования внешней политики и деятельности генеральных штабов, как и максимально-возможного смягчения тягот, падающих на народные массы в связи с ведением войны, — добиваться соучастия во власти, и, по возможности, всей полноты власти.

В заключение специально несколько слов о тактике русских социалистов в случае наступления германского фашизма на Россию. При построении этой тактики надо исходить из того соображения, что внешняя политика СССР с момента прихода к власти в Германии фашизма претерпела серьезную эволюцию в реалистическом направлении, постепенно эмансипируясь от авантюристских планов и махинаций, от ориентации на революционную войну и от ставки на мировую революцию. Эта эволюция внешней политики, лишенной устойчивости и выдержанности и не вызывающей к себе полного доверия в виду господства в СССР террористической диктатуры, — должна тем не менее встретить к себе положительное отношение со стороны русских социалистов. Вступление СССР в Лигу Наций, сближение и союз с демократическими странами Запада, активное участие советской дипломатии в выработке методов предотвращения войны и обеспечения коллективной безопасности, наконец, подчинение недавно еще авантюристской и путчистской тактики Коминтерна и отдельных компартий интересам и целям советской внешней политики в ее нынешнем виде, — отвечают интересам народных масс, как и обще-государственным интересам многонациональной России и являются признаком такого поворота, который, во вне содействуя делу демократии и всеобщего мира, может оказать рикошетом влияние и внутри страны на политику диктатуры, вынуждаемой в связи с опасностью войны, под давлением измученных режимом трудящихся масс, вступить на путь уступок.

В случае возникновения войны, в которой нападающей стороной явится фашистская Германия (и Япония), русские социалисты, продолжая оставаться принципиально-враждебными господствующей в СССР террористической диктатуре, тем не менее должны бросить на чашу весов свое политическое влияние и свой моральный авторитет для того, чтобы оказать посильную помощь делу обороны советской России и призвать трудящиеся массы на защиту подвергшейся нападению страны. Вместе с тем, оставаясь верными своим социалистическим и демократическим воззрениям, социалисты России должны и в самом ходе войны, как в интересах поднятия обороноспособности страны, так и в целях защиты инте-

ресов трудящихся масс, добиваться решительного изменения всей внутренней политики диктатуры в сторону установления режима демократии и политической свободы, отказа от социально-утопического эксперементирования и изымательства над многомиллионным крестьянством и возвращения рабочему классу и действующим в нем организациям права свободного и независимого существования и проявления.

Социалисты России должны отбросить иллюзии, распространяющиеся среди других соц. партий, особенно в связи с движением «единого фронта», о социалистическом характере русской революции или о социалистических элементах в народном хозяйстве СССР. Попреежнему разоблачая всякие социалистические и революционные иллюзии о советской России, необходимо призывать соц. партии других стран перед лицом грозящей войны оказать моральную поддержку русским социалистам в борьбе с террористической диктатурой, ложно прикрывающейся именем пролетариата и социализма, — в целях установления в поработанной России, подобно другим культурным странам, режима демократии и свободы.

Такова, мне кажется, в суммарных очертаниях та линия политического поведения, которая могла бы, в сущности, объединить социалистов, не отказавшихся от своей демократической основы и воспринимающих новую войну, — не как прелюдию к высшей ступени развития, а только и единственно как катастрофу для культуры и человечества. Под этим углом зрения представляются совершенно искусственными пущенные в оборот теории об особом характере нашей эпохи, якобы способной в муках войны родить новое, более справедливое, общество, и совершенно непонятными кажутся в устах вчерашних демократических социалистов проекты использовать войну для переворота и захвата власти. Ситуация в Европе, — рост диктатур, милитаризма, реакции, — сейчас такова, что только безудержный оптимизм может питать надежду на близость социалистического переворота. Или, вернее, после выпадения таких звеньев демократического социализма, как Германия, Австрия, Италия, — только самый черный пессимизм может подсказать мысль, о том, что, проигравши в эпоху мира, социализм может попытаться отыграть в эпоху войны. Однако именно такие мысли доминируют сейчас в радикальных социалистических кругах. Надо думать, что оставшиеся в контакте с массовым движением и действующие в демократических странах социалистические партии Англии, Франции, Чехословакии, Скандинавии не захотят и не смогут вступить ни на путь левоциммервальдской фразы, ни на путь ленинско-сталинского действия, — ни, конечно, на третий путь компромисса между первыми двумя, намечаемый «тезисами» Бауэра-Дана.

Партии демократического социализма, надеемся, будут по-прежнему видеть свою единственную задачу в борьбе за мир, и этого пацифистского знамени не свернут. Если же катастрофа разразится, то ее придется принять уж подлинно без всяких иллюзий. Линия на поражение, надо думать, дастся не без внутренних коллизий и многим социалистам фашистских стран. Для социалистов демократических стран, как и для русских социалистов (в случае военного нападения на Россию) не дано иного пути, кроме пути самозащиты, — самозащиты народа, страны, территории, языка, — явлений не последнего порядка для каждой социалистической партии, органически связанной со своей родиной (слово и понятие, хотя и взятое под подозрение, но сохранившее полное свое признание среди большинства партий РСИ).

Развитие внутренних событий в ходе войны в каждой отдельной стране сейчас предвидеть, конечно, невозможно. Одно только можно сказать, что путь к власти, тем более попытка осуществления социализма во время войны, наталкивается на объективные и субъективные препятствия в еще большей степени, чем в наше трудное, хоть и невоенное, время. Для прежней, ныне переживающей собачью старость, коммунистической политики такой авантюрный прыжок еще, конечно, возможен. Но уже для отяжелевшей политики «единого» или «народного» фронта, там, где она проводится, — захват власти, вероятно, исключен. И никакой иной линии поведения для социалистов, кроме политики завоевания доверия масс демократическими методами, не дано в дни мира, как и в дни войны, — если социализм хочет остаться самим собой и сохранить и увеличить свое влияние на ход событий.

Г. Аронсон.

ПОПРАВКА.

В передовой прошлого номера «С. В.» — «Освобождение социалистической идеи», стр. 2, столбец 2 — выпала при правке первая строка третьего абзаца, которая гласила: «И вот первое «имя» — Федор Андреевич Череванин...»

ТЕЗИСЫ БАУЭРА-ДАНА И ДР.

Тезисы Бауэра-Дана и др. «Интернационал и война» напечатаны в английском переводе в Нью-Йоркском еженедельнике «Сошэлист Колл».

Группа «Социалистов-Интернационалистов» в Тель-Авиве (Палестина) выпустила брошюру на древне-еврейском языке, посвященную вопросу о войне. В брошюре напечатаны тезисы Бауэра-Дана и др., резолюция Английской Независимой Рабочей Партии и речь Эрколи на 7 конгресс Коминтерна.

На разговорно-еврейском языке (иддиш) тезисы были напечатаны в «Фолксцайтунг», органе Польского Бунда.

ТЕЗИСЫ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ РСДРП.

В следующем номере «Социалистического Вестника» будут напечатаны тезисы «Война и социализм», принятые Заграничной Делегацией РСДРП.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ВО ФРАНЦИИ.

Политическая жизнь во Франции протекала за последние месяцы под знаком «народного фронта». Происходит процесс поляризации: с одной стороны, все больше определяются элементы открыто-или скрыто-фашистские, с другой — народный фронт становится центром борьбы за сохранение демократических свобод. Объектом спора являются «средние классы»: мелкая буржуазия, лица либеральных профессий, среднее чиновничество и, разумеется, крестьянство.

В течение многих десятилетий эти слои поддерживали радикальную партию. Кризис и неспособность сменявшихся правительств найти выход из него вызвали в этих слоях брожение. Радикальная партия стала разлагаться, ее программа стала простой ширмой. Когда после победы левых на выборах 32 года социалисты требовали от радикалов, по существу, лишь выполнения их собственной экономической программы, Эррио презрительно ответил, что мы, мол, сами знаем, что нам делать.

С того времени много воды утекло. Сменился ряд левых министерств. Лавочники и ремесленники в городе, крестьяне в деревне настойчиво требовали мер против кризиса. Делались попытки добиться принятия этих мер «внепарламентским действием» — митингами, уличными демонстрациями. Значительно усилилось влияние социалистов на крестьянские массы.

Большая часть этих «промежуточных» слоев, особенно в городах, организована в различные группировки бывших «комбатантов» (участников войны). На них-то и сосредоточилась пропаганда правых, причем наибольшую активность проявила одна из этих группировок, так наз. «огненные кресты».

6-го февраля 1934 года произошел взрыв: правые собирались штурмовать палату и выступили открыто против парламентского режима. Министерство левого радикала Даладьё оказалось в состоянии отбить непосредственную атаку, но неспособным подавить поднявшее голову фашистское движение. Лишь бурная реакция рабочих масс показала, что демократические свободы имеют защитников в стране. К рабочим массам примкнула и значительная часть промежуточных слоев. Зато правительства, стоявшие с того времени во главе страны, все более или менее опирались на фашистские элементы, несмотря на то, что во всех этих правительствах участвовали радикалы.

При образовании «народного фронта» социалисты определенно выступали против допущения в него радикалов. Натолкнувшись на противодействие и коммунистов, и всех прочих организаций, политических, гуманитарных и др., они вынуждены были в этом вопросе уступить. Будущее покажет, кто был прав. Радикалы участвуют в народном фронте, но их-же министры подписывают декреты, перелагающие тяготы обложения на неимущие слои. Несмотря на то, что министром внутренних дел состоит радикал, репрессии против «нарушителей порядка» применяются очень «односторонне» в зависимости от того, идет-ли дело о рабочих или о фашистских организациях. Под давлением радикалов, поддержанных коммунистами, рабочие организации отказались и от выставления лозунга «долой декреты!» на демонстрациях 14 июля, хотя накануне лозунг этот и был опубликован. Не обходится без трений и в парламенте, где народный фронт представлен «деlegationей левых».

С другой стороны, на сенатских выборах народный фронт одержал победу. Правда, в Париже Лаваль, провала которого особенно добивались коммунисты, был избран вследствие измены экс-коммуниста Дорио и его сторонников, а от ком-

мунистов, вместо намеченных троих, прошел один Кашэн. Но все-же большинство сенаторов избранных в Париже, прошло под левым флагом.

Между тем натиск фашистских элементов, организованных по-военному, усиливается. 11 ноября, в годовщину перемирия, «огненные кресты» участвовали в утренней официальной демонстрации, маршируя в военном строю. Вслед за тысячным шествием бывших комбатантов, с республиканскими офицерами запаса во главе, прошедшим после обеда по Елисейским Полям к могиле «Неизвестного Солдата», к возмущению и негодованию стоявшей сплошными массами по троттуарам толпы, церемониальным маршем двинулись монархические и фашистские организации. Лишь с большим трудом удалось распорядителям предотвратить избивание этих манифестантов.

События в Лиможе, где «огненные кресты» стреляли в толпу, устроившую контр-манифестацию, дали лишнее доказательство чисто военного характера их организации. Poleмика в прессе между обоими лагерями обострилась. Требование роспуска «парамилитарных» организаций стало еще более актуальным. Социалисты решили поставить в парламенте в первую очередь этот вопрос. С ними согласились и коммунисты. Радикалы, по обыкновению, раскололись. Правительство, настаивавшее на обсуждении в первую очередь финансового вопроса, получило большинство 345 голосов против 225. Второе голосование по этому же вопросу дало правительству 324 голоса против 247. В обоих случаях лишь часть радикалов голосовала против правительства, часть воздержалась, а часть голосовала за.

Но все-же правительство было вынуждено согласиться на обсуждение интерпелляций о фашистских лигах. И тут, во время речи Ибарнагарэ, представителя «огненных крестов», произошел известный инцидент, который газеты назвали «театральным трюком». Неверно, будто состоялось какое-то примирение между правыми и левыми. Этот вздор сознательно распространяла официальная пресса. Леон Блюм сказал лишь вполне определенно, что социалисты готовы распустить свои организации самозащиты, если будут распущены парамилитарные лиги. Оружие, сказал он, можно всегда достать; опасность заключается в самом существовании организаций военного характера. В том же духе сделал заявление и коммунист Торэз. Существовало ли заранее соглашение между правительством и Ибарнагарэ, неизвестно. Но правительство воспользовалось заявлениями обеих сторон и внесло соответствующий законопроект. Но тут случилось то, чего ни правительство, ни правые, повидимому, не ожидали. Громадным большинством 397 против 165 палата приняла законопроект, но, вопреки правительству, внесла в него существенные изменения и прежде всего постановила, что парамилитарные лиги должны распускаться не в порядке судебной процедуры, которую, при желании, можно затянуть на годы, а простым декретом. Поставить вопрос о доверии по этому поводу правительство пока не решилось...

Конечно, дискреционное право роспуска организаций, признаваемых «парамилитарными», может стать в руках реакционных правительств источником больших злоупотреблений. Но пока, в наличной обстановке, как ясно видно из бешенства правой печати и той ожесточенной полемики, в которую вступили между собою разные фракции правых, голосование палаты означает несомненную победу народного фронта и свидетельство того, что в недалеком будущем возможно образование правительства, которое захочет всерьез применить новый закон против фашистских организаций.

Но если народный фронт доказал свою полезность в деле непосредственной борьбы с фашистскими лигами, то гораздо слабее его значение в деле борьбы с фашизмом, как явлением, вытекающим из условий кризиса и неспособности буржуазных правительств найти выход из него и облегчить положение масс, несущих на себе всю его тяжесть.

На с'езде партии в Мюльгаузене была вновь признана необходимость ряда «социализаторских» мер для борьбы с кризисом. Но в этом вопросе, помимо общих формул о борьбе за свободу, мир и хлеб, общего языка с партиями буржуазной демократии не находится. Радикалы не только не ведут решительной борьбы с декретами, но до сих пор поддерживают дефляционную политику правительства. Они настолько сознают свое бессилие в этих вопросах, что вовсе не торопятся перенять наследство Лавала. Социалисты это прекрасно понимают и предлагают поддержать радикальное правительство, которое поставит перед собою лишь две задачи: роспуск фашистских лиг и роспуск палаты с назначением новых выборов.

В конце концов, судьбы народного фронта и ход дальнейших событий во Франции зависят от рабочих партий, составляющих стеновой хребет «фронта», и от напора масс, идущих за этими партиями. Вопрос-же о силе воздействия рабочих партий в значительной степени зависит от их взаим-

ного сближения. Потому-то вопрос о восстановлении единства и получил за последнее время такую актуальность.

Но тут далеко не все обстоит благополучно. Препятствия к объединению профессиональных организаций почти преодолены. Но переговоры между партиями оказались медленными и трудными. Как будто достигнуто соглашение о задачах будущей объединенной партии, о непримиримой оппозиции буржуазии, о диктатуре пролетариата. Но коммунисты требуют безоговорочного признания русской формы диктатуры и безусловной поддержки Советского Союза в случае войны, примыкания к международной организации, признающей те-же принципы (т. е. фактически к Коминтерну), и «демократического централизма» в партии, который они истолковывают в чисто большевистском духе, т. е. в смысле полного подчинения низших органов партии высшим и ограничения — вплоть до запрещения — дискуссии внутри партии по вопросам тактики. Эти требования совершенно противоречат духу и характеру французской социалистической партии. Теперь дискуссия вынесена в прессу и на партийные собрания, в которых участвуют члены и ораторы обеих партий.

Надо сказать, что зигзаги политики коммунистов и в особенности их чрезмерное заигрывание с радикалами вызвали как раз среди части левых членов социалистической партии некоторое охлаждение к ним. Раздаются голоса, что соединяться стоит с революционной партией, а не с партией, идущей по стопам нео-социалистов, от которых социалистическая партия с таким трудом отделилась. Известное заявление Сталина Лавалю дает основание говорить, что коммунисты мешают анти-милитаристской работе. Едва-ли не под влиянием позиции коммунистов усиливается в партии крыло, выступающее в антагонизме с ними, под лозунгами «революционного пораженчества».

При демократических нравах социалистической партии и при отсутствии теоретического органа и общей слабости теоретической дискуссии борьба течений нередко принимает острый характер и выливается в борьбу организованных фракций. Такому характеру борьбы весьма содействуют «троцкисты», вступившие в партию не только с намерением добиться торжества своих взглядов, что составляет их право, но с явными планами расколоть партию и создать на ее развалинах новую. При всей «мягкости» отношения французских социалистов к различным оттенкам социалистической мысли, им пришлось принять против разлагающей работы троцкистов строгие меры, вплоть до исключения некоторых главварей.

Эта внутренняя борьба, сосредоточенная главным образом в парижском районе, еще далеко не закончена. В сущности, она является проявлением того процесса, который начался в партии уже несколько лет тому назад, когда международная и внутренняя обстановка поставила перед партией новые задачи. К этим задачам партия ни идеологически, ни организационно еще окончательно не приспособилась. Если можно назвать переживаемый ею процесс переориентировки кризисом, то это, несомненно, кризис роста. В стране, где народные массы исторически привыкли бороться за свои интересы, в стране с традициями «прямого действия», социалистической партии нетрудно будет найти пути к приспособлению своей традиционной тактики к новым условиям...

Я. П.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т :

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Elysées.
- 8) 150, av. des Champs-Elysées.
- 9) 1, bd des Capucines.
- 10) Pl. de l'Etoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Elysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кромѣ того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

КОНФЕРЕНЦИЯ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СЕВЕРНЫХ СТРАН.

С 1932 года социалдемократические партии и профессиональные организации Дании, Финляндии, Исландии и Швеции координируют свою работу посредством общего комитета, собирающегося раз в год, поочередно в столицах этих государств. Члены комитета в соответствующей стране функционируют на этот год в качестве секретариата комитета. На этот раз собрание его состоялось 7-8 декабря в Гельсингфорсе. Присутствовали представители всех примыкающих организаций, за исключением Исландии, а также представители Норвегии, хотя организационно в комитет и не входящей, но за последние два года регулярно приглашаемой. Особое значение получила конференция этого года благодаря тому, что в ней участвовали министры-президенты трех Скандинавских стран, тт. П. А. Гансон, Т. Стаунинг и И. Нюгаард-волд. Председательствовал Вайно Таннер, депутат финляндского сейма, секретарские обязанности выполнял К. Г. Виик, очередной секретарь Северного комитета.

Вначале, по обыкновению, были заслушаны и обсуждены доклады о положении в различных странах. В прениях на первый план выдвинулся вопрос об отношении Северных стран к Лиге Наций и борьбе за мир. Конференция единодушно встала на ту точку зрения, что Северные страны должны продолжать свою работу в Лиге Наций в духе создания международного правового порядка, могущего служить действительной защитой мира и свободы всех народов. Рабочие организации различных стран должны воздействовать на свои правительства, чтобы заставить их деятельно участвовать в положительной работе по охране мира. Они обязаны также мобилизовать при помощи своих международных организаций силы рабочего класса для поддержки Лиги Наций в ее действиях против нарушителей мира и добиваться того, чтобы действия эти проводились со всюю энергией.

После этого конференция приступила к обсуждению вопроса о сокращении рабочего времени — особенно путем установления 40-часовой недели. Было констатировано, что, особенно в виду наличия безработицы, все делегаты энергично поддерживают стремление к дальнейшему сокращению рабочего времени.

Подробному обсуждению подверглась проблема сотрудничества между рабочими и крестьянами, освещенная докладами различных стран. Конференция констатировала с чувством удовлетворения, что в некоторых Северных странах уже сейчас удалось добиться в важных актуальных вопросах соглашения между этими двумя основными группами трудящегося населения. В меру успеха этой политики создается ценнейшая гарантия устойчивости демократии и улучшаются перспективы благоприятного экономического и социального развития.

Конференция остановилась и на вопросах, вытекающих из того факта, что в 1936 году предстоят парламентские выборы в Финляндии, Норвегии и Швеции, в Дании же предстоят выборы половинного состава первой палаты. Таким образом почти во всех Северных странах рабочим партиям придется одновременно мобилизовать свои силы и поставить перед собою задачу усиления социалдемократического влияния, в собственных странах, а тем самым и совместной работы Северных стран, и их воздействия на международную политику.

Рабочее движение северных стран стоит целиком на почве демократии. Оно стремится всеми силами охранять и укреплять демократический строй. Оно единодушно в стремлении — на основе демократии и демократическими средствами добиваться такого преобразования общества, которое уничтожит бедность и несвободу и гарантирует всем членам общества экономическую обеспеченность и законную долю участия в благах культуры. Рабочее движение Северных стран единодушно также в стремлении обеспечить на международной арене мир и свободу на основе демократического международного сотрудничества. Конференция рабочих Северных стран призывает сторонников социалдемократии в Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции к бодрой и энергичной борьбе за полную демократию, за свободу и мир.

На будущий год Северный секретариат переносится в Копенгаген.

РАБОТА ПОЛЬСКОГО БУНДА.

Вопреки правительственному террору пролетарские партии Польши развивают за последние месяцы значительную активность в борьбе против режима. В июне месяце во всех крупных городах и особенно важных промышленных центрах состоялись всеобщие демонстративные забастовки против нового, фашистского избирательного порядка. Как известно, все оппозиционные партии постановили бойкотировать назначенные на 8 сентября лже-выборы. Хотя писать и говорить о действительном характере этих выборов было запрещено,

На складе Социал. „Вестника“

имеются следующие издания :

ЦЕНА ВО ФРАНКАХ
для подписчиков „Соц. Вестн.“

Вместо: 40% скид.

Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
A. Jugow: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
O. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.
R. Abramovitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.		6 fr.
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.		6 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

Бунд развил интенсивную письменную и устную агитацию за бойкот. Пришлось вернуться при этом к приемам царского времени: города были засыпаны прокламациями, не прошедшими через цензуру, а за последние два дня перед выборами в одной только Варшаве было расклеено почти 100 тыс. листов, призывавших к бойкоту. Результаты известны. Лишь 25% населения подало действительные бюллетени. В еврейском округе Варшавы голосовало всего 19%!

После этого явного поражения режима и в связи с грабительским походом итальянского фашизма на Абиссинию партия провела большую политическую кампанию под лозунгом: «борьба фашизму и войне!» Кульминационным пунктом кампания эта достигла 5 октября, когда в один день состоялись массовые манифестации более чем в 100 городах.

За последнее время партия вела через печать и массовые манифестации кампанию за полную амнистию политическим заключенным. Особо отметить следует большие манифестации в Варшаве и Лодзи.

Несмотря на кажущееся смягчение режима, репрессии, следования и мелочные придирки по адресу наших организаций, печати и отдельных товарищей не прекращаются. Наш центральный орган «Найе Фолксцайтунг» и двухнедельник нашей организации молодежи подвергаются частым конфискациям. Так последний был недавно многократно конфискован за напечатание постановлений копенгагенского международного конгресса Социалистического Интернационала Молодежи. Запрещение публичных выступлений и лекций, даже на научно-популярные и литературные темы, представляет собою повседневное явление. В тюрьмах сидит множество бундистов. На последнее заседание Исполкома РСИ член его, т. Эрлих, не мог явиться, так как ему было отказано в паспорте.

Несмотря на все это, партийная работа развивается успешно. Тираж «Найе Фолксцайтунг» поднялся за последние 4 месяца на 25%! В «дни печати» (конец октября) газета разошлась в 70.000 экземпляров.

Есть основания надеяться и на значительное улучшение

отношений между различными рабочими партиями Польши. Этой задаче должна служить «междупартийная комиссия социалистических организаций Польши», только что основанная по соглашению между Бундом и ППС. К участию в комиссии приглашены украинские социалдемократы и социалисты-радикалы, а также немецкая социалдемократическая рабочая партия в Польше. Эта комиссия сможет сыграть роль руководящего политического органа всего пролетариата в Польше.

В ЭСТОНИИ.

В области внешней политики интересно отметить постепенное подпадание Эстонии под влияние Германии и Польши. Так как Германия в последнее время довольно много покупает в Эстонии (сельско-хозяйственные продукты, скот, сланцевое масло), валюты же в обмен не дает, а соглашается расплачиваться лишь товарами, то неизбежно возрастает ввоз из Германии — за счет Англии. Вытесняется Германиею из экономических сношений с Эстонией и Советский Союз. Так создается постепенно экономическая зависимость от Германии, не остающаяся без влияния и на политическую ориентацию. Это сказывается в характерных мелочах. Так Пятс, глава правительства, по нездоровью вообще мало показывающийся, счел нужным участвовать в открытии выставки немецких книг, на которой германский посол выступил с чисто-гитлеровской речью. При участии того-же посла и Пятса состоялась встреча клуба эстонской буржуазии и немецких «черноголовых». И т. д.

С другой стороны, усиливается и польская ориентация, проводником которой является начинающий играть видную роль генерал Лайдонер. Его поездка в Финляндию была непосредственно связана с планами польских военных кругов. Польские влияния сказываются и в отношении к Литве: говоря о союзе Эстонии с Латвией официальные круги и правительственные газеты либо вовсе не упоминают о Литве, либо подчеркивают, что условием ее привлечения к союзу должно быть восстановление ею «нормальных» отношений с Польшей и Германией.

Еще больше тревожит развитие внутренней политики. Распространяются, особенно за границей, слухи о «возвращении к демократии» и т. п. На деле же происходит обратное: медленный, но неуклонный процесс фашизации. Под прикрытием напыщенных фраз о «национальном единстве», «прекращении борьбы классов», «сотрудничестве всех слоев общества» и необходимости для Эстонии «своеобразной государственной формы» взамен «скроенной в революционное время по заграничным образцам» — идет деятельная пропаганда фашистского «корпоратизма», возражать против которого не полагается.

Что все это обозначает на деле, видно из недавно опубликованного распоряжения о перерегистрации всех существующих организаций. В «государственных» интересах предполагается регистрировать лишь те организации, которые по своему уставу и составу окажутся соответствующими задачам «национального единства», т. е. согласятся на «поравнение» по гитлеровскому образцу. Само собою понятно, что угроза направлена в первую голову по адресу профессиональных союзов, в которых всякие иллюзии насчет правительства, имевшие место в первый период после переворота, окончательно исчезают и которым удалось даже восстановить свое единство именно на почве разрыва со всякими попытками «поравнения» под фашистскую политику правительства.

Политическая работа социализма носит при таких условиях весьма примитивный характер, сводится преимущественно к чистой пропаганде, к переводу на эстонский язык и распространению произведений отцов и классиков научного социализма и т. п. Время для более широкой работы еще не настало...

Б.

В ЛАТВИЙСКИХ ТЮРЬМАХ.

Положение политзаключенных в Латвии все ухудшается. Особенно плохо приходится отправленным на принудительные работы в Калнцемских каменоломнях.

Калнцемская тюрьма — это барак, расположенный в глухой местности. В небольшом помещении скучено до 80 политзаключенных. Иногда число это повышается до 100. Спертый воздух, ужасная грязь. Полы моются раз в полтора-два месяца. В баню, площадью около 20 кв. метров, вводится сразу 30-40 человек. Мыться приходится по очереди, а на мытье дается не больше 5 минут. Не успевши вымыться за это время выгоняют, причем нередко старший надзиратель Пуките обливает их холодной водой, избивает резиновым жгутом и т. п. Врачебной помощи, можно сказать, нет. Фельдшер Гулбис, исполняющий одновременно обязанности постового надзирателя, — человек, совершенно невежественный.

Поступили в продажу в конторе «Соц. Вестника»

НОВЫЕ БРОШЮРЫ :

L'Internationale et la Guerre

Thèses de Otto Bauer, Théodore Dan, Amédée Dunois
et Jean Zyromski

préfacées par Fr. Adler et suivies d'une lettre
de H. N. Brailsford

Sté d'Éditions "Nouveau Prométhée"

Paris 1935. Prix : frs 1.50

Die Internationale und der Krieg

Von Otto Bauer, Theodor Dan und Jean Zyromski

mit einem Vorwort von Friedrich Adler und einer
Erklärung von H. N. Brailsford

Wien 1935. Preis : frs 1.50

Больными он признает лишь тех, у кого имеются явные внешние повреждения. Но и то не всегда. Так Зарине, Карчевского и других гнали на работу, несмотря на опухоли и раны, причиненные ушибами от камней, а за попытки уклониться от работы сажали в карцер. Никаких медикаментов нет: от всех болезней даются одни и те-же порошки. К тому-же право освобождать от работы принадлежит не фельдшеру, а старшему надзирателю; к нему непосредственно и обращается поэтому большинство заболевших заключенных. Пуките-же держится того мнения, что больным место в карцере, который он называет иронически «больницей». Обращаться к фельдшеру можно только утром, так как днем он «занят»: стоит на посту. Кто заболел днем, должен без разговоров идти на работу. Пища из рук вон плохая и готовится грязно. Работа очень тяжела: каждый заключенный должен выработать и погрузить на баржу 2 кубометра камня за день. Ломка, иногда очень трудная, производится ручным трудом, взрывают камень очень редко. Каждый обязан выработать свою норму, сколько бы часов ни длилась работа. Обычно приходится работать с раннего утра до позднего вечера, летом — по 14, 16, а то и 18 часов, в дождь, хотя заключенные обуты в рваные лапти. Отсюда — повальное заболевание ревматизмом. Не выработавших нормы окучивают грязью, бросают в воду, избивают, а потом мокрых, измученных приводят в барак, раздевают до-нага и сажают в холодный, темный карцер. Случаи избивений повседневны. Когда избитые заключенные требуют вызова прокурора, Пуките отвечает, что он и сам хороший прокурор, и что с протестующими он расправится по своему. В карцерах, пол которых нарочно поливается водой, приходится сидеть голым или в одном белье по трое и больше суток. Заключенных в карцер часто лишают всякой пищи, причем надзиратели делают себе удовольствие из издевательства над голодающими: например, подзывают заключенного для получения хлеба и со смехом захлопывают перед его носом окошечко, через которое подается пища. Вообще, обращение с заключенными самое грубое, и тон задает в этом отношении все тот же старший надзиратель Пуките.

Стоит отметить еще два момента. Не говоря уже о том, что уголовные заключенные пользуются по части прогулок, свиданий и пр. льготами, в которых отказывают политическим, администрация пользуется всяким предлогом, чтобы натравить уголовных на политиков. Второе — это особо тяжелое положение политзаключенных евреев. Они подвергаются истязаниям и издевательствам вдвойне: и как политики, и как евреи.

В последнее время на свиданиях родственникам не разрешается говорить по русски: допускается только латышский язык (для уголовных и в этом отношении делается исключение). Часто поэтому старики-родители, не знающие латышского языка, лишаются возможности видеть своих детей.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Усиление террора. — Социалисты и оппозиционеры на каторжных работах. — Крестьянские настроения. — «Нынешнее крепостное право». — Советский патриотизм. — Среди рабочих. — Отмена карточек. — Гауптвахты на заводах. — Текучесть. — Борьба за нормы. — Рабочие и компартия. — Красная Армия и обороноспособность. — Изъяны техники. — Недовольство рабочих. — «Хрен редьки не слаще». — СССР танцует...

...Я уже писал вам, что за последнее время снова усилились репрессии против всех инакомыслящих. Если до убийства Кирова оптимисты могли находить доказательства смягчения режима и как то обосновывать надежды на то, что, наконец, станет возможно жить, то теперь все иллюзии рассеялись и совершенно ясно, что страх отнимает у ГПУ последний распуск и что оно резгулялось во всю... Меньшевики, с.-р-ы, оппозиционеры, анархисты, все арестовываются, посылаются в изоляторы, в концлагери. Есть при этом и новшество: «политических» теперь посылают на принудительные работы. Теперь и троцкисты, и оппозиционеры, и с.-р-ы, и меньшевики будут работать в рудниках, болеть цынгой, умирать от истощения, от болезней... Мне показывали письмо одного молодого троцкиста, который уже чуть не десять лет мается по разным ссылкам и тюрьмам и теперь снова арестован и направлен на принудительные работы в свинцовые рудники на Алтае. Он пишет: «Я работаю по пояс в воде, от цынги выпали почти все зубы. Помогите! Живу с угольниками, которые хоть несколько улучшить свое положение, стараются выслужиться перед начальством, вечно доносят, бьют меня, обкрадывают... Люди мрут здесь, как мухи!»

Я знаю случаи, когда арестовывали старых революционеров, бывших каторжан и высылали их, черт знает куда, так как разрешение проживать в Москве (после многолетних ссылок, тюрьмы и высылки уже при большевиках) вдруг объявлялось недействительным и никто из старых товарищей-коммунистов не рисковал придти на помощь. Больные, измученные, без теплых вещей, отправленные куда-нибудь на север, такие люди должны погибнуть, но наше время не знает пощады. И сейчас нет никаких надежд на смягчение режима...

Но это не значит, конечно, что и в других областях все стоит на месте или даже идет назад. Наоборот! В области экономической изменения громадны. Тут наблюдается значительное улучшение и это сказывается и на настроениях населения, потерявших прежнюю цельность, ставших пестрыми и зачастую противоречивыми.

Начать хотя бы с крестьян. В их жизни, конечно, полная революция. Надо признать, что они проявили огромную настойчивость и показали большую силу сопротивляемости политике власти в деле коллективизации. Они потеряли на этом миллионы людей, умерших буквально от голода, миллионы ушедших в ссылку, в концлагери, тоже на гибель в конечном счете. Но теперь они как будто примирились, кто знает, искренно или нет. Правда, приняв коллективизацию, не видя в ней для себя никакой пользы, они стали еще пассивнее, чем были, стали, пожалуй, еще хуже работать на колхозных полях, но теперь все больше колхозники пытаются как то использовать для себя новый режим.

Началось с того, что деревня в значительной степени обезлюдела, особенно сократилось число работоспособных муж-

чин, ибо всякий, кто в силах работать, бежит в город, на фабрику, на стройку, оставляя в деревне женщин и стариков, которые гораздо больше интересуются своими курами или коровами, чем коллективизированным хозяйством. Конечно, трудно сказать, как идет жизнь в колхозах. Тут царит величайшее разнообразие. В иных, особенно подмосковных, — школы, ясли, театры и синема, чего, конечно, русская деревня никогда не видала. Но есть и другие колхозы, и тоже неподалеку от Москвы, где все осталось по старому, крестьяне спят вповалку, вся семья ест из одной плошки малосеядные щи, белого хлеба не видали больше 5 лет. Молодежь, и парни и девушки, стараются уйти из деревни, на фабрику, куда угодно. Особенно «советских» настроения наблюдать не приходится. Приходилось даже (под Москвой!) слышать частушку с припевом: «Убили Кирова, уьем и Сталина!»...

Но за последний год и в деревне замечается какой-то перелом; у многих крестьян начинает создаваться вера в прочность нового порядка, надежда на то, что, если больше и лучше работать, то и сам получишь больше; они лучше ориентируются в своих налоговых обязательствах, знают, сколько надо отдать государству, и начинают приходиться к заключению, что, пожалуй, выгоднее оставаться в деревне и работать в поле, чем маяться сезонником в Москве, чтобы принести домой 100 или 150 рублей. Особенно улучшилось, говорят, положение на Украине. Там продукты вдвое дешевле, чем здесь, у каждого колхозника есть клочек приусадебной земли, есть корова, птица... Он знает, что с него возьмет государство, знает, как он использует то, что у него останется. Является некоторое довольство, некоторая даже удовлетворенность. Я полагаю, что, если коллективизация удержится еще несколько лет, то уж не будет никакой силы, которая смогла бы ее уничтожить. Конечно, если крестьянин привыкнет немного быть вполне сытым, то он затоскует и по свободе. Уже сейчас приходится слышать от крестьян и такие речи — «коллективизация то, мол, хороша, да нынешнее крепостное право прямо не в терпех»...

Теперь часто приходится задавать себе вопрос — как поведут себя крестьяне в случае войны, станут ли они защищать режим, страну? Думаю, что и эти настроения крепнут, что уже сегодня крестьянин охотнее пойдет защищать страну, чем он делал бы вчера, а завтра и того больше. Пока трудно говорить об энтузиазме, но, вероятно, и он придет. Молодежь охотно идет в Красную Армию, начинает разбираться в наших границах, имеет какое-то представление о Мандчжурии, о Польше. Но говорить о настоящем патриотизме среди крестьян, пожалуй, все же еще рано. Другое дело в городе, у интеллигенции, у служилого сословия. Тут патриотизм настоящий, особенно вырос он после победы фашизма в Германии. Тут все стали патриотами советского строя. О фашизме вообще много и часто говорят; фашист, фашистский — стало вообще своего рода ругательным словом. На днях наблюдал такую сцену: милиционер заставил старика рабочего платить штраф за то, что он слез с трамвая на остановке; тот кричит, платит, но язвительно прибавляет: «За такой вздор да штраф платить! Это уж «по фашистски!»...

...Теперь несколько слов о настроениях и пожеланиях рабочих.

Уничтожение карточек, конечно, больно задело рабочих; в среднем, они потеряли, можно считать, по меньшей мере 25-30 рублей на голову, что, конечно, очень чувствительно, особенно, если в семье 3-4 человека. И эта потеря ложится на бюджет семьи вне зависимости от того, зарабатывает ли глава семьи 200 рублей или 400-500. И все же никто не хотел бы возврата карточек. Теперь идет снижение цен, пока еще не очень значительное, но все ждуть, что и дальше цены будут падать, явилась надежда, что жизнь пойдет в гору. Людям нравится также и то, что тот грош, который имеется, можно тратить по своему усмотрению. Одна старуха как то сказала при мне — «у меня всего гривеник, да купить то на него я могу, что хочу». Это показывает, как осточертело всем покупать лишь то, что давали в распределителях. Иными словами, даже такая ограниченная экономическая свобода таит в себе много прелести. Правда, покупательная способность рабочих еще очень ничтожна, но у людей есть надежда, что и это идет в гору. Вспоминается 23 год, когда жилось страшно трудно, но люди говорили — «да, трудно, но, слава богу, есть хлеб». В среднем рабочий живет еще очень плохо; я думаю, нельзя проводить никакой параллели с уровнем жизни европейского рабочего. Правда, у нас работают всего 7 часов, есть 12 дней оплаченного отпуска, но все же повседневная жизнь очень и очень убога, так что ждать особо приподнятого настроения невозможно.

Но «крепостное право» и рабочие уже начинают ощущать болезненно. Особенно дает себя знать это «право» на заводах военного ведомства, а их у нас довольно-таки много. На этих заводах имеются гауптвахты. В них сажают за разные провинности на 3-5-10 дней, вернее, ночей, служащих, рабочих, технический персонал. Я говорю «ночей», так как днем

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания:

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 фанц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герм. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 фр. франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 20 франц. фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.

эти заключенные продолжают работать. За что сажают? Да за самые разные провинности: рабочий отлучился с работы, не явился на работу («прогул»), техник позабыл сделать нужный чертеж — и вот, по распоряжению директора виновного сажают на гауптвахту. Заводский комендант приводит распоряжение в исполнение.

У рабочих нет привязанности к своему заводу, каждому кажется, что где то можно устроиться лучше, получить большую зарплату. Отсюда огромная текучесть. Квалифицированных рабочих все еще очень мало и как раз в последние месяцы им приходится вести большую борьбу с администрацией, которая настойчиво требует повышения норм выработки. Но все же с квалифицированными рабочими больше церемонятся, порой им даже удается диктовать свои условия, на что начальство идет со скрежетом зубным; зато с середняком не стесняются несколько; правда, и они не остаются в долгу, работают с огромным браком, портят машины, расточают материалы... Любопытно видеть, как молодежь, вчерашняя деревенщина, научается защищать свои интересы и всячески отстаивать себя.

Мне не приходилось наблюдать среди рабочих особого почтения к коммунистической партии, многие даже выходят из партии, а те, которые остаются, держатся больше в сторонке, больше молчат, прислушиваются. Очень часто беспартийные их забывают.

Настроение у рабочих, я сказал бы, очень критическое. Конечно, это не значит, что в случае войны они останутся равнодушными, особенно, если воевать придется с немцами или японцами, ненависть к которым очень велика: фашисты!.. Может быть, будет у них и энтузиазм и это, конечно, очень повысит оборонеспособность страны, сделает возможным даже длительную войну, но для настоящей победы этого, конечно, мало и, если международный пролетариат не встанет на защиту советской России, нам придет крышка.

О Красной Армии все очень высокого мнения, да она, кажется, и впрямь, очень подтянулась и хорош снабжена. Говорят, очень хороша и «дух» у нее, во всяком случае, «военный» дух прочно сидит во всех начальствующих.

Для повышения боеспособности и обороны страны сделано уже довольно много, построены новые железные дороги, имеющие стратегическое значение, проведены новые шоссе, новые пути, но транспорт вообще все еще в ужасном состоянии, очень мало подъездных путей, а всякий знает, какое колоссальное значение это имеет во время войны, мобилизации и т. д. Да и наша индустрия, конечно, сделавшая огромный скачек вперед, все еще оставляет желать лучшего. Ее достижения все еще скорее количественного, а не качественного характера. Многие необходимые улучшения, которые сознаются всеми, натапливаются на то, что на заводе, в сущности, никто не заинтересован в том, чтобы дело шло первоклассно: государство берет всякую продукцию, лишь бы был выполнен количественно намеченный план; рабочий больше всего думает, как бы ему побольше заработать, но никто, ни рабочий, ни технический персонал, ни директор, ни коммунист-руководитель завода — его всегда могут перебрести в другой конец Союза! — никто не чувствует себя хозяином завода.

Большое значение имеет и то, что совершенно отсутствует конкуренция. Как я уже сказал, государство все равно все возьмет, мало стимулов совершенствовать продукцию. Вот завод Амо, например, несколько лет тому назад купил у Форда патент на какую-то модель автомобиля. С тех пор и выпускают эту модель, теперь уже устаревшую, громоздкую, почти смешную по сравнению с новейшими моделями того же Форда. Трудно поспевать за границей, которая, видимо, и не думает стоять на месте...

Но, самое серьезное значение для судеб страны в случае войны, имеет, конечно, настроение рабочих. Они определенно недовольны. Говорил я как-то с двумя рабочими, что теперь, мол, все же стало лучше жить. Один ответил: «ну, хрен редки не слаще», а другой добавил: «да, хорошо одному, ему и одного сапога довольно!» Рабочие с трудом мирятся с тем положением, что неравенство скорее растет, а не уменьшается, что чем ниже по социальной лестнице, тем труднее и хуже живется.

Более развитые и критически настроенные с трудом перерабатывают назойливую коммунистическую пропаганду, культ Сталина, милитаризацию всей жизни, вечное оболванивание. Пришлось как то ехать по пригородной железной дороге. Весь вагон облеплен плакатами — «Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь!» и т. п. Но никто этих плакатов не читает, многие смотрят на них с усмешкой — очень уж разителен контраст с действительностью!.. Правду сказать, жизнь у рабочих невеселая. Я слышал как то, как один молодой парень, читая в газете статью о счастливой юности в Советском Союзе, о счастливых девушках, наивно и не без горечи сказал — «Вот чудно, пишут, будто у нас вся мо-

лодежь счастливая, а я как посмотрю кругом, только несчастных девчат и вижу»...

И это верно, молодежи очень трудно, в ней многое пробуждено, потребности у нее повысились, девушкам хочется чистой и хорошей жизни, хочется романтики, хочется любви, а кругом нравы очень огрубели, много дикости, жизнь стала совсем жестокая. Власти прилагают немало усилий, чтобы бороться с грубостью нравов, но это пока дает совсем мало результатов.

Вы, вероятно, уже слышали о народившейся у нас танцмании; танцуют всюду, в школах, в университетах, в учреждениях, но этим одним, конечно, правов не смягчишь. Особенно много танцуют в армии. Говорят, это повелось с тех пор, как Буденный вернулся из Турции, где его и его со товарищей всячески чествовали, устроили в их честь бал, но ни один из них не мог пройти в приличном танце с дамой, и они подпирали стены. Дабы такой скандал не повторился, они по приезде пустились изучать всякие румбы, фокстротты и теперь танцуют все и всюду — и молодые лейтенанты, и седовласые профессора — чорт возьми, разве мы и в самом деле не самый счастливый народ в мире?

29 ноября 35 г.

X.

МОСКВА. — Увлечение стахановщиной. — Озлобление среди рабочих. — Пересмотр норм выработки. — Укрепление рубля. — Циркулируют слухи.

У нас сейчас в центре всего «стахановское движение». На первых порах среди хозяйственников и инженеров возникла некоторая растерянность. Теперь она быстро исчезает, и они уверенно приступают к подготовке планов будущего года на «базе стахановщины». Лишь рабочие и не потерявшие связей с рабочим классом коммунисты прячут глубоко в себе злость и разочарованность.

Неслышанно большие нормы выработки, достигнутые Стахановым за счет лучшей организации работ, огромной интенсификации труда и максимально-полезного использования рабочего времени, нашли многих последователей. Два обстоятельства этому весьма способствовали: во-первых, очень невысокая обычная зарплата и, во-вторых, зарплата при нашей премиально-прогрессивной системе возрастает в больших размерах, чем увеличивается выработка. Этому способствует и то, что, несмотря на значительный рост производительности труда за последние годы, мы, при наличии технически-совершенного оборудования, еще не достигли даже европейских норм выработки, не говоря уже об американских. Рабочий день на наших предприятиях используется на 50-60% и для роста производительности имеются еще очень большие резервы.

Проведенное с отменой карточной системы и снабжения по плановым ценам фактическое сокращение реальной заработной платы побуждает рабочих, потребности которых за годы революции сильно выросли, искать выхода в использовании всяческих возможностей для повышения своего заработка, а эти возможности сейчас имеются в неограниченной премиально-прогрессивной сделывине. Неслучайно так много говорят и пишут о стахановских заработках, ибо именно эти-то заработки и являются основными факторами, вызвавшими это движение к жизни. Официальные представители правительства и партии умело рассеивали опасения рабочих,

---

ZEITSCHRIFT FÜR SOZIALISMUS

Die wissenschaftlich-theoretische Monatsschrift der deutschen Sozialdemokratie stellt sich die Aufgabe, den Kampf gegen das Hitler-Regime und die Ausübung der Macht in einem befreiten Deutschland geistig vorzubereiten. Revolutionär nicht nur in der Bekämpfung des Gegners, sondern revolutionär auch in der rücksichtslosen Kritik an der eigenen Bewegung, setzt sie sich ihre Ziele: In freier Diskussion die grossen Probleme des Sozialismus und seiner Verwirklichung zu erörtern, aus der Blosslegung der Fehler in der Vergangenheit zu lernen und durch Analyse der Gegenwart die Gestaltung der Zukunft vorzubereiten.

Bezugspreise: Einzelheft — Fr. fr. 3.50; 1/2 Jahr — Fr. frs 2.20.

Заказы просим направлять через контору «Соц. Вестника».

"DER KAMPF"

INTERNATIONALE REVUE

Выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международно-политики и экономики и социалистического движения. Последние обозревания (мировая политика, международный социализм, профсоюзная политика, Советский Союз). Библиография. Обозревание: зор журналов.

Редактор: ОТО ВАУЕР.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции: СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

"Мировой Бولшевизм" по-французски:

Jules MARTOU

"LE BOLSHEVISMЕ MONDIAL"

Preface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DAN

Se d'Éditions «Nouveau Prométhée», Paris 1934.

176 pages, Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

что стахановщина приводит к перестрою норм и к фактически ухищрению рабочих. Усиленно муссировались слухи, что имеется постановление ЦК об отказе от перестройки норм на длительный период.

Действительность однако оказалась совершенно иной. В ближайшее время предполагается не простое повышение норм, а их намеренная установка «посредунок» между нормами существующими и стахановскими, т. е. намеренно поднять в среднем на 300-500%. Мечтает одним взмахом не только долбить, но и перебить капиталистический мир.

В свете этих планов становится понятным, почему не коммунисты Дюканов и Петров, а беспартийные Стаханов и Бульбаин избраны за образцы и выдвинуты как инициаторы. Этим же объясняются нападки на хозяйственников и инженеровно-технических работников за то, что не они были инициаторами новых норм.

Неслучайно, конечно, новая политика зарплата совпадает с политической укреплению рубля. Отказ от нормированного снабжения остро поставил вопрос о повышении зарплат. Увеличение зарплат при нашем товарном голоде фактически совет укреплению курса рубля. Стахановские нормы при новых нормах дает возможность увеличить номинальную и реальную зарплату за счет индексации т. е. лучше использованные основные капиталы, снижая при этом себестоимость, т. е. способствуя укрупнению рубля.

Трудно еще сказать как будут реагировать рабочие массы Союза на все это, но власти готовы провести свои планы любой ценой и уже сейчас на места командированы инструкторы и разведчики.

Ликвидация Торбина, несмотря на слухи, застала население врасплох. Несомненно, что отказ от торговли на валюту внутри страны признак финансового укрепления Сов. Союзом. Небольшая часть населения, имеющая кой-какие валютные ценности, стремится их реализовать и покупает «про запас» в Торбине. Выручка в Торбине поднимается, хотя ассортимент товаров так уже не пополняется. Наемный курс рамента будет в 5 раз выше нынешнего, но все-ж он значительнее не вытолен, чем покупка в Торбине. Интересно отметить, что широкие круги населения встретили постановление о закрытии Торбина с удивлением.

Лирикует у нас масса слухов. Любимому предстопи 1936 год будет годом жесткой политики укрупнения рубля и снижения себестоимости. Усиленно вновь говорят о массовом сокращении штатов и о режисе экономии.

18 декабря 35 г.

А.

МОСКВА. — Значат ли это? — Пятилетка в четыре года. — Стахановщина. — «Немножко в зубья». — Переполюх среди слесарей. — «Оформление» армии. — Пять марша и новое местничество. — Нархия в «бесклассовом» обшестве.

За последнее время в партийных и особенно в беспартийных кругах заметно некоторое оживление, точнее — смятение и растерянность. Матинная стрелка, по которой ориентировались партийные, слесари и рабочие, когда-то и единомышленники, вновь заматалась в разные стороны. У подвизывая это в беседах с коммунистами и слесарями, с которыми приходилось сталкиваться по службе и в частном быту. Все как то настоужилось, потянулось, стало скучнее на слова; неровное час, еще выигнеше в уклон, а то и во «вредительстве». Новые мероприятия власти поражают своего противоречивостью. Как будто куче был творить ват направо — земля кохозникам «навечно», частное усадьбное хозяйство, замещение темпов промышленного строительства и производств, отмена карточек, оздоровление рубля, обещание «лемократическое» конституции. А в то же время — четыре года, легкая кавалерия, усиление террора...

Не успели привиться «отличники», как делается ставка на стахановцев. Упор на качество — спутник замечательных, бо-лее редких темпов — вновь сменяется упором на количество. Говорят, в рабочей массе стахановщина воспринимается с чувством нескрываемой враждебности. Знакомый техник передавал мне слова старого рабочего, слесаря-ремонтника: «Это вроде как на ямарках в парские времена стоио самом смазывали, а наверху кляли серебряные части. Ну, один-другой изловится, уостанет часть. А тут яволь

за Стахановым всем на стою лаять». Ждут снижения расценок и всяческих неприятностей. Но слышится и такие голоса: «Не впервой — пошумят, и затихнет понемногу. Рывком на несчетном оружии долго не выдержат!»

Но если в рабочих кругах царит недоверчивое или враждебное отношение к стахановщине, как новому варианту ударничества, то в слесарских кругах — настоящая паника. Слова «любомого вождя» о том, что слесари, не понимая значения стахановщины и торпозущим развитие «низового» стахановского движения, «придется дать немножко в зубья», вызвали форменный переполох. Авторитет слесарей как представителей технической науки в предпринятии, снова подорван стагинской аналогией «ур-ангуизма». «Немножко дать в зубья» — это не только дематогия, это и прямая угроза.

Паника среди слесарей тем бо́льшая, что за «словом» сейчас же последовало «дело». В ряде городов, особенно в Москве, Ленинграде, Новгороде, Лескове и т. д. произошли широкие аресты, главным образом среди слесарской интеллигенции. Снова дни проходят под знаком темпозания, а ночи в страхе перед арестом. Одина знакомый инженер на производстве со вздохом говорил мне: «Кончилась почти трехлетняя перемена жизни. Уж как-то надалагнись, ровнее стали работать, страху животного стало меньше...» А кировские поминки? — спрашиваю. «Да это нас не коснулось, это у коммунистов завываюшка была. Даже наоборот: по слухам убииства Кирова беспартийная интеллигенция лояльно поддерживала перестройку слесарской интеллигенции грубейшей угрозой «немножко дать в зубья». И откуда эта напасть?»

Под влиянием всеобщей растерянности и паники в среде слесарской интеллигенции, среди которой приходится работать, становится всеобщей растерянности былой «золотоплодность», от-

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ СЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ!

ним словом иерархическое «оформление» Красной Армии. Передают, что при формировании верхушки новой военной иерархии не обошлось без трений. Назначение пяти маршалов вызвало взрыв зависти у ряда лиц, чаявших маршальского жезла в воздаяние своих заслуг в гражданской войне. Особенно острое разочарование, как говорят, испытал... один из «пяток»! Ворошилов рассчитывал на звание, которое возвысило бы его над всеми военными, а оказался в числе пяти. Это вызвало будто-бы даже некоторую размолвку между Ворошиловым и Сталиным, отношения между которыми, говорят, в последнее время стали вообще портиться из-за каких-то разногласий по вопросам общей политики. О каких разногласиях идет речь, мои информаторы сказать не могли.

На многих старых большевиков золотопогонное «оформление» Красной Армии произвело удручающее впечатление. Зато молодые «лейтенанты» из комсомольцев в восторге: «жить стало веселее». Впрочем, не все. Один знакомый комсомолец из числа настоящих молодых энтузиастов, точно оправдывая «любимого вождя», говорил мне: «Это все для заграницы делается, для союзников. Ведь они не понимают армии без чинов, без парадных мундиров, без выпушек и гадунов. Что тут поделаешь? Раз война близка, надо приспособляться».

Но дело, конечно, не только в загранице. Иерархическое «оформление» армии несомненно было назревшей потребностью комсостава. Во всяком случае оно закрепляет в ней влияние Сталина и в то же время явится существенным элементом в процессе консолидации нового правящего сословия в «бесклассовом» обществе. Мы не столько сознаем, сколько ощущаем этот процесс, кожей чувствуем, особенно в быту. Ожидаем введения «табели о рангах» для гражданских ведомств...

4 дек. 35 г.

П.

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“ за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ . . . . Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов

В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932 г., по цене 100 фр. за том

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 18/11, 5/12 и 20/12.

Отослано: № № 6, 7 и № 47.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Karl Marx. Les luttes de classes en France (1848-1850) suivi de «Les journées de Juin 1848» par *Friedrich Engels*. Editions Sociales Internationales. Paris. 12 frs.

G. Dimitrov. Pour vaincre le fascisme. Ed. Soc. Internationales. Paris. 10 frs.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 46. Декабрь 1935 г.

Знамя России, № 12 (76), декабрь 1935.

Léon Blum. Souvenirs sur l'Affaire. Editions de la Nouvelle Revue Française.

American Socialist Quarterly. Vol. 4. Nr 3. November 1935.

Die Revolution. Organ der Revolutionären Sozialisten Oesterreichs. Wien, Dezember 1935.

Le théâtre amateur. Revue officielle de la C. J. S. T. A. N° 17, juillet-août 1935.

Der Kampf, N° 12, Dezember 1935.

Le Combat marxiste, N° 26, Décembre 1935.

Cahiers du bolchévisme, N° 24.

Sozialistische Tribune, 1. Jahrgang, 1. Heft, Dezember 1935. Brünn.

Jiwobletter. Band VIII, N° 3. Wilna, 1935.

Rschimois socialistivis. Tel-Aviv, 1935.

НОВАЯ БРОШЮРА

Marceau PIVERT RÉVOLUTION D'ABORD!

К дискуссии об отношении к войне

Издание «Nouveau Prométhée», цена фр. 2,50. Заказы через контору «Соц. Вестника».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

тиски социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. 1 (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) *Jules Martov* — Le Bolchevisme Mondial и б) *S. Schwarz* — Lénine et le Mouvement syndical, 6) *Paul Faure* — «Si tu veux la paix», 7) *Léon Blum* — Souvenir sur l'Affaire (дело Дрейфуса), 8) *B. Souvarine* — Stalin, 9) *Arthur Rosenberg* — Geschichte der Deutschen Republik.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «*Kampf*» — на 1/2 г., 2) «*Zeitschrift für Sozialismus*» — на 1/2 г., 3) «*Le Combat Marxiste*» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно